

РЕШУ ЛЮБУЮ
ПРОБЛЕМУ.
ДОРОГО.

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

ЛИНА КОВАЛЬ

КЛАССНЫЙ МУЖИК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лина Коваль
Классный мужик
Серия «Бюджетники», книга 7

<https://litres.ru/73966993>

SelfPub; 2026

Аннотация

Моя жизнь была просто прекрасной ровно до тех пор, пока на двери кабинета напротив не появилась чертова табличка.

**«ПОЛКОВНИК ЛИТВИНОВ ДАВИД АНДРЕЕВИЧ.
РЕШУ ЛЮБЫЕ ПРОБЛЕМЫ.
ДОРОГО».**

В связи с этим вежливый разговор у нас как-то сразу не задался:

— Да я вас всего насквозь вижу! — шиплю ему в лицо.

— И какого цвета у меня трусы?

Дар речи теряю. ХарассМент Андреевич.

— И сантиметров сколько? — он мрачно усмехается.

— Ну уж нет. Я не буду лелеять ваши скрытые комплексы

— Все понятно. Звездишь как дышишь, шарлатанка!

— Мужлан неотесанный! — заряжаю звонкую пощечину.

А ему хоть бы что!

— Дохлая крыса! — оскорбляет и уходит.

— Я же говорила, тебе больше не надо худеть к лету, — смеется подруга и мечтательно смотрит вслед. — Какой классный мужик, Селиванова! Тебе такого надо!

Книга о том, что второй шанс возможен. Даже если вам за 40 и кажется, что все лучшее уже случилось

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦИКЛА БЮДЖЕТНИКИ

ОДНОТОМНИК - ХЭ

ЛЕГКИЙ СЮЖЕТ

Содержание

Глава 1. Давид	5
Глава 2. Милослава	12
Глава 3. Милослава	24
Глава 4. Давид	35
Глава 5. Давид	40
Глава 6. Милослава	48
Глава 7. Милослава	56
Глава 8. Давид	63
Глава 9. Давид	69
Глава 10. Милослава	77
Глава 11. Милослава	82
Глава 12. Милослава	90
Глава 13. Давид	97
Гл	105
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Лина Коваль

Классный мужик

Глава 1. Давид

Интересно, существует ли Красная Книга для задниц? Или может быть общество защиты ягодиц?

Куда жаловаться в таком случае?

Откровенный вандализм.

Пассивно наблюдать, как выдающийся зад моей соседки по офису тает с каждым днем становится невыносимо.

Зависнув на остатках от роскошных бедер, сегодня упакованных в свободную белую юбку с разбросанным на ней мелким зеленым горохом, захопываю дверь и слушаю диалог двух дам.

— Как же надоел этот замок! Заедает.

— Поставь новый, — отвечают впечатлившему меня зеленому гороху весьма скромные синие цветы на бледно-желтом фоне. — Тысячу раз тебе говорила, Милка.

Обе дамочки распрямляются и с претензией уставляют на нас. Вы когда-нибудь видели враждебно настроенный горох?

А если представить, что он в разных туфлях?

Одна узкая лодочка — ярко-зеленая. Вторая — белая.

Это вообще законно так носить?

— Добрый день, дамы! — здороваюсь, застегивая черный пиджак, надетый поверх черной рубашки, и дожидаясь ответной реакции в виде кивков. — Так о чем мы? — вспоминаю куда шел и показываю Наилю путь до лифта. — Сейчас все обсудим, завтра буду готов выйти с конкретным предложением по твоей ситуации.

— Слава богу Давид Андреевич, я ведь поэтому к вам и обратился. Вопрос щепетильный, могу довериться только профессионалу.

Дзгоев семенит за мной и что-то еще шебуршит. Про сложность, свою невиновность и моральную сторону вопроса.

Знаю я эту моральную сторону Одно млядство.

Но не осуждаю. Каждый сходит с ума по-своему.

Выглядит, кстати, мой новый клиент хорошенько помятым тюфячком, хотя бывший коллега с Лубянки говорил о Наиле с уважением.

Когда скрипящие двери узкого лифта начинают закрываться, замечаю, как соседка намеренно замедляет шаг, поэтому со странным, мрачным удовлетворением успеваю задержать механизм ногой.

Синие цветы почти силой затаскивают горох к нам на огонек.

В нос бьет стойкий смешанный аромат дорогого коньяка и сладкой ванили. Дамочка не прибуживает, нет. У нее духи

такие опьяняющие. Я давно их заметил.

— Господи, я сейчас умру! — она негодуяше шепчет своей спутнице, касается пальцами шеи и поочередно посматривает на нас, раздувая аккуратные ноздри и поправляя русые пряди. — Ну и перегар

Дзагоеву хоть бы хны. Судя по всему, ему жить для три осталось.

Мне — тем более по хрен. Я калач тертый. Любые женские манипуляции проходят мимо без остановки. Так же, как и зашли. Сквозняком. Камень расшевелить легче, чем мою психику. Во-первых, годы работы в структуре. Во-вторых, все-таки, в одиночку дочь вырастил. Она у меня свиристелка та еще. Теперь, слава богу, мужу своему жилы выкручивает. Ничего, ему полезно.

— А вы не знаете? — соседка задирает подбородок и стреляет в меня взглядом.

— Смотря что, — отвечаю расслабленно.

Бабы же как дети. Только показал интерес — потом не слезут.

— Кто это такой смелый? Курит на этаже

— Смотря что.

— Сигареты, конечно. Найду — все ноги повыдираю. — строго смотрит.

Просто ради интереса сверяюсь.

Мой рост — метр девяносто.

Ее — метр без девяносто.

Вывод: максимум, что она может повыдирать, это волосы у меня на коленках. И то, если нагнусь.

— Увижу — передам, чтоб ходил и по сторонам оглядывался, — заверяю с иронией, которая остается незамеченной.

— Буду премного благодарна. — отворачивается и выпрямляет плечи.

На первом этаже офисного центра расходимся как в море корабли.

Оказавшись на улице, первым делом закуриваю и тут же теряю всякий интерес к соседке с обувной гетерохромией. Мало ли в жизни вольтанутых?

Шагаю в сторону кофейни и пытаюсь серьезно вникнуть в проблемы Наиля.

Попутно наблюдаю, как молодой парнишка на электросамокате, летит на встречу открытым переломам и трепанации черепа. Правда, получить эти бонусы он решил с помощью моего автомобиля, бережно припаркованного у дороги.

Один четкий «ба-бах», одно не особо четкое «блядь» от меня и несусь туда. Озверевший и раненный. Подскочив к черному «Вольво», поднимаю негодя за шкварник и осматриваю внушительную, уродливую вмятину на левом крыле.

Молодой трясется от страха.

Сколько ему лет? Пятнадцать? Семнадцать?

На вид — альпака. Парнокопытное. Из семейства верблюдовых.

Прическа эта дурацкая — с химией на башке и пушистой кудрявой челкой русого цвета. Выдающиеся передние зубы, в ушах сережки. Еще и жуется, сученыш.

— Это че за херня? — рывкаю, сжимая худую руку.

— Эй, дядя! А ну отпустил меня У меня тут камера, — демонстрирует держатель на шее и нагло продолжает. — Ведется видеозапись. Это общественное место, имею право

— Ты че творишь?

— Отпустите, — психует, но слезки уже на колесках. — Это задержание несовершеннолетнего. Подсудное дело

Я сжимаю руку посильнее напоследок и со злости отпинаваю двухколесное говно.

Что с него взять?

Ни страховую ведь вызывать?

— Пошел на хрен отсюда, чихуахуеныш

— Говнюки малолетние! — заключает Дзагоев. — Давно пора запретить эти самокаты. Одни убытки с ними.

— Давай ближе к делу, Наиль. — рывкаю, распахивая дверь кофейни. — Как обычно. — обращаюсь к официантке.

— Бронекоче для постоянного гостя. — она передает заказ бариста. — Что-нибудь еще?

— Пепельницу.

— У нас не курят, — извиняется.

— Тогда висельницу.

Она хохочет и наконец-то исчезает в тумане.

— Так из-за чего на тебя наехал Быстрицкий? — интере-

суюсь у Дзагоева.

— Дело молодое, Давид Андреевич. — берется за голову. — С женой я его замутил по пьянке, кувыркались по понедельникам. Примерно с год. Юлька-то у него на передок слабая, легкая такая, но ласковая — жуть. Я поплыл, да и она влюбилась. Приняла решение, что муж ей на хрен не сдался. Меня пристроила к отцу

— В то здание, возле Кремля?

Он ошарашенно округляет глаза.

А что тут удивительного? Естественно, я их пробил. Вслепую даже мыши не трахаются.

— А от меня-то ты чего хочешь? Быстрицкий вроде адекватный. Человек с его деньгами не может быть другим. У него таких Юлек пол-Москвы. Пару раз шмальнет и переболеет Спасибо, — помешиваю свой бронекорфе.

— Не все так просто. — юлит Наиль и залпом выпивает стакан воды. — Он меня убить грозит, но суть даже не в том. Я хочу чтобы она с ним осталась. Юлька-то. Она — с ним. А должность — со мной. — почти шепотом договаривает.

— А чего так? Разлюбил? — усмехаюсь, залпом опрокидывая в себя содержимое чашки.

— Не потяну я ее запросы. Мне девушка попроще нужна. И сказать не могу, она ведь сразу отцу стукнет. И плакала моя карьера.

— Лады. Разберемся — поднимаюсь и оставляю пару ку-

пюр на столе. — Завтра поговорим.

В офис возвращаюсь один.

С досадой смотрю на помятое крыло «Вольво». Поднимаю глаза и

— Пиздец! — вздыхаю, увидев зеленую жижу на капоте.

Что-то вроде йогурта или коктейля.

Смотрю по сторонам.

— Ну держись, чихуахуеньш. Я тебя найду.

Глава 2. Милослава

— Похоронное бюро — Прищуриваюсь и делаю губы трубочкой.

— Черный риелтор. Бабок расселяет — Дашка нависает над столом и продолжает красить губы ярко-красной помадой.

— М — подбираю варианты.

— Или продюсер порнофильмов! — верещит.

— Да ну? — пугаюсь не на шутку.

А выглядит мой сосед, как приличный человек. Высокий, статный. А возраст? На вид где-то сорок три — сорок пять, но живот не отпустил. Держится.

— Может быть, он даже сам у себя снимается? — всплескивает руками.

— Ой ну нет.

— А я бы согрешила.

— У тебя муж, Шмалева!

— Так я ведь пока он на вахте Вдохновляюсь, — краснеет. — А вообще, я серьезно. Ты Аленку Коломойцеву помнишь? Из моего ЖК? В пятом подъезде Такая С брылями. — шепотом заканчивает и озирается.

— С брылями? — Закатываю глаза, вспоминая. — Кстати, спасибо, что напомнила. Надо записаться к косметологу. И Савушку на стрижку записать. — провожу большим пальцем

по экрану.

— Господи, так о чем мы? А Аленка Коломойцева. Ну, как ты ее можешь не помнить? У нее еще старший — Маттео — все время в песочнице руки облизывал. Она его в отпуске в Италии нагуляла от спасателя на пляже, а мужу сказала, что это его мать согрешила на Олимпиаде в восьмидесятом и вот так аукнулось. Закон Сансары — философски заканчивает.

— Как тут вспомнить? Подожди, интернет не работает. Не могу Оле косметологу написать. — у меня голова кругом.

— Подключи вайфай.

— Я подключила.

— Включи ГПН.

— Соображаешь! Включила

— Не работает?

— Нет.

— Выключи ГПН

— Боже Сейчас.

— И как?

— Нет. Это колесико действует мне на нервы

— Включи ГПН, отключи вайфай и перезагрузи приложение. Попробуем с маломобильным интернетом. — хихикает.

— Сейчас, — закрываю и открываю бесконечные вкладки. — Деменция нам с такой жизнью точно не грозит. Нет! Не пашет!

— Это, конечно, глупо Скажу как староверка, может, у тебя просто денег нет на телефоне?

— Точно! — вспоминаю. — У меня вчера Богдана все в какой-то игре истратила А как же сейчас их закинуть? А хотя знаешь, — касаюсь своего подтянутого лица. — Я еще ничего. А Савелий состригать свои кудри наотрез отказывается. Брыли, брыли Алена — разминаю виски. — Хоть убей, я такую не помню Я всех, кого ты знаешь, в жизни бы не запомнила.

— Просто я коммуникабельная! — машет рукой.

С Дашей мы дружим, начиная с первых беременностей. Познакомились на форуме беременяшек-июлят, медленно перешли в раздел «Младенцы», «Годовасики», «Наши дошколята», а потом послали всех далеко и надолго. Из-за обсуждения подарков на выпускные в пух и прах разругались.

— А зачем мы вообще ее вспомнили?

— Подожди Давай отмотаем наш разговор До того, как ты начала записываться к Оле Кстати, — ее осеняет. — У меня ведь есть косметолог дешевле, Оля борзеет

— Замолчи, пожалуйста, дорогая. Мы потеряли нить разговора — я открываю контейнер и нюхаю куро грудь.

— Брыли вроде бы обсуждали, Милка

— И Олимпиаду в восьмидесятом.

— Блин А зачем же мы? — смотрим друг на друга и пораженно качаем головами. — И это нам только по сорок. А что дальше будет?

— Мне лично тридцать девять и одиннадцать месяцев! — с гордостью озвучиваю свой возраст.

Дашка хлопает в ладоши так, что бармен за стойкой подпрыгивает.

— Твой сосед! Здоровяк этот бородатый. Я вспомнила!

— Точно.

— В общем, Аленка мне рассказывала, они еще когда в Сочи жили, у них на первом этаже поселился дядечка. Выглядел очень представительно, интеллигент, а потом оказалось — режиссер порнофильмов. Аленка дом тот уже как десять лет продали, а обои со шторами нет-нет, да и увидят в интернетах. Ну ты поняла, на каких видео — опускает лицо и играет бровями.

— Не верится

— Но я бы придерживалась твоей версии про похоронное бюро, — после недолгих раздумий постановляет Дашка.

— Думаешь?

Я ощущаю страх, потому что этот мрачный мужик из офиса напротив и правда похож на директора ритуальной фирмы.

Одет всегда грустно и чувствуется, что при больших деньгах.

В лобби-баре на первом этаже офисного центра сегодня вообще удивительно тихо. Сделав глоток лимонной воды, без энтузиазма поглощаю свой обед.

— Может, хватит? — она спрашивает, морщась от одного вида шпината и с куриным мясом. — Ты ведь и так построилась, Селиванова Задницы вообще не осталось.

— Мы обе прекрасно знаем, что я отправила свою задницу на лето.

— К бабушке? — смеется.

— С первым листопадом и осенней хандрой все килограммы сразу же вернутся и сядут согласно купленным билетам. Прямиком вот сюда, — устраиваю руки на бедрах сзади. — Мой тип фигуры - груша, я быстро набираю, ты же знаешь.

— Тебе нужен секс! — снова заводит свою шарманку.

Все, что происходило с моим организмом за последние десять лет, с того дня как Андрея не стало, подруга всегда советовала решать внутричленно. От зубной боли до мозолей на ногах.

— Ты же знаешь мое к этому отношение

— Милая, твой Андрей был замечательным человеком, и я уверена, он бы хотел, чтобы ты жила дальше.

— Я и живу С мамой, детьми и Авдотьей.

Последняя — любимая кошка.

— Каждому человеку в мире нужна любовь, Мила!

— Это твоя ложная установка. Я, как психолог тебе говорю, Даш. Если человеку комфортно одному, то это нормально. Люди привыкли мыслить категориями. Раньше мужчина нужен был, чтобы защищать пещеру от животных и добывать обед. Я эти потребности закрываю с лихвой

— Тебе нужен секс!

— Мне нужен австралопитек!

— То есть на мужчин ты уже совсем не рассчитываешь?

— Да нет, — я легко смеюсь и разглаживаю складки на своей любимой юбке в горошек. — Это Богдане в школе задание дали. Надо подготовить к понедельнику макет австралопитека.

— А купить не пробовали? На маркетплейсах такой ерунды навалом.

— Да иди ты — делаю вид, что запускаю в нее вилкой. — Это не развивает эмоциональную связь с детьми, не укрепляет доверие в семье и не восполняет дефицит внимания, которым страдают мои дети. Я ведь постоянно на работе.

— Напомни, куда вы поехали после того, как весь вечер мастерили прошлый проект?

— Это была Солнечная система, — с какой-то особой гордостью вспоминаю. — Полночи искали круглосуточную ветеринарку по району. Думали, Авдотья сожрала металлический шарик, из которого мы планировали сделать Уран. Утром оказалось — мама выкинула его в мусорку

— Обожаю нашу Нонночку! — Дашка тяжело вздыхает и поднимается. — В общем, я поехала. Мне еще надо в управляшку и ужин готовить.

— Давай У меня консультация через десять минут. — расцеловываемся в обе щеки, и я провожаю ее взглядом до крутящейся двери.

Убрал за собой стол, иду к лифту и поднимаюсь на седьмой этаж.

С опаской взглянув на темную дверь соседа, открываю вечно заедающим ключом свою и вытираю пыль с глянцевой таблички.

**«ВАШ ПСИХОЛОГ МИЛОСЛАВА СЕЛИВАНОВА.
ПОМОГУ ЭКОЛОГИЧНО ПЕРЕЖИТЬ ЛЮБЫЕ
НЕУРЯДИЦЫ.
НЕДОРОГО»**

Устроившись в кресле поудобнее, поправляю памятное колечко с перламутром, теперь свободно болтающееся на пальце, и доброжелательно смотрю на девушку в белой форменной рубашке, застегнутой на все пуговицы.

Несмотря на то что мы встречаемся полгода, чувствую дискомфорт, который Нина испытывает.

— Вам не душно? — с улыбкой интересуюсь и беру свой любимый блокнот.

— Нет, — она приглаживает и без того зализанные в пучок волосы.

В правом верхнем угле ставлю сегодняшнюю дату и делаю записи.

За восемь лет работы по специальности «психолог-консультант» я многое в этих стенах увидела и вывела целый ряд личных правил.

К примеру, когда-то я решила, что буду мягким терапевтом. Принимающим, не старающимся давить на клиента собственным мнением или выводить его на эмоции.

Психология сродни массажу. Он бывает жестким и с синяками, или расслабляющим. Хотя многие считают, что таким может быть только бесплатный. И кстати. Если бы у меня не было нужды кормить детей, трехлетнего сфинкса и полдюжины коммунальных служб, бесконечно вымогающих деньги, я бы обязательно помогала людям на безвозмездной основе.

Но вы вообще видели, сколько стоит корм для сфинкса?

Мои дети обходятся мне дешевле.

— Так, — откладываю блокнот.

Интересно, располагающая атмосфера для беседы уже прочувствована в полной мере?

— Как дела, Нина? Удалось отдохнуть в майские праздники?

— Если только немного, — девушка скромно пожимает плечами. — Я работала в праздники. Начальник улетел с семьей в Сочи, напарницы тоже отпросились. Хорошо, что я никуда не собиралась.

— Это, наверное, очень обидно — работать, когда все отдыхают!

— Для меня нормально Я ведь привыкла. Мне нравится выручать начальника и коллег.

— Что вы чувствуете, когда они вас благодарят?

Она улыбается и, подумав, отвечает:

— Чувствую себя нужной. И гордость за себя чувствую. Будто со всем справляюсь. Мне это правда нравится

— Вот и отлично. — делаю пометку для дальнейшей работы. — А как прошло ваше свидание с тем молодым человеком? Женя, кажется?

— Я ему не понравилась, — вздыхает грустно и трогает переносицу. — Снова нос подвел

Качаю головой, потому что у Нины обычный нос, который она считает «страшным». Никакого явного уродства там нет. Она симпатичная девушка, но в ранней молодости какой-то не самый умный парень бросил ее с такой ужасной формулировкой.

— Женя сам сказал, что вы ему не понравились?

— Нет.

— То есть и об этом, и о причине — вы сделали выводы сами?

— Я догадалась. А из-за чего еще он пропал?

— Помните, Нина, в прошлый раз мы с вами это уже обсуждали?

— Я помню, но это не додумывание за другого Это ведь правда. Констатация факта. Посмотрите на меня, Милослава. Я ведь адекватный, взрослый человек. Мне двадцать пять. Как вы считаете? — теряется.

— Конечно. Все так.

— Зачем мне за кого-то додумывать? У меня есть зеркало.

— Я тоже адекватный взрослый человек, Нина, и я вижу перед собой ваш нормальный нос. Нас уже двое Значит, истина посередине. Хотите, мы увеличим выборку? — спра-

шиваю, поднимаясь и выправляя юбку.

— Хочу, но только ради того, чтобы вы увидели реакцию, которую обычно вижу я.

— Пойдемте. — беру ее за руку и выхожу в безлюдный коридор.

Быстро сообразив, стучусь к загадочному новому соседу. Как же все удачно вышло! За одним схожу в разведку. Опускаю ручку и толкаю дверь.

В нос проникает табачный дым.

— Здравству — хмурюсь, замечая зажженную сигару у него в руке и сжимая свободную руку в кулак.

Так и знала!

— Давненько не виделись! — говорит он, недобро поглядывая на мою юбку, как уже делал это утром.

Уже, грешным делом, думаю — может он кукурузу любит? Чего так на зеленый горошек взъелся? И вообще — галантным, мужским поступком было бы подняться со стула, когда в кабинет зашли две дамы.

Но у этого мужлана из галантных только широкие, черные брови. Вот они поднимаются как по команде. Удивленно.

— Мы к вам с экспериментом, — приободряюще смотрю на Нину и нервно тереблю кольцо пальцем. — Ой — Оно соскальзывает и с соответствующим звуком валится на пол.

Я резко отпускаю руку клиентки и кружусь, в поисках крошечного украшения, а, отыскав его на полу за дверью, наклоняюсь, чтобы поднять.

Когда наконец-то выпрямляюсь и возвращаю кольцо на место.

Волосы с лица воинственно сдуваю.

Жарко

Попутно осматриваю обстановку. Темные стены, дубовый стол. Никаких кроватей и видеокамер, слава богу.

— Простите — бормочу.

Откинувшись на спинку стула, сосед медленно кивает на пол и смачно затягивается.

— Можешь еще что-нибудь уронить — выпускает дым.

— Я подожду

Я держу себя в руках, но не сильно.

— Вы можете хотя бы при мне не курить? — злюсь.

— Ты сама пришла. Я тебя не звал.

Валенок какой.

— Так — надо успокоиться. — Я к вам по делу.

У тебя клиент, Мила! Ты потом ему все ноги Хм. Осматриваю широкоплечую фигуру под два метра ростом. Ты потом с ним серьезно поговоришь и отчитаешь.

— Простите, как вас зовут? — откашливаюсь.

— Давид Андреевич Литвинов.

Вообще, не слишком ли представительно для похоронного бюро?

— Прекрасно. Давид Андреевич Мы к вам с экспериментом. Видите, эту девушку? — подталкиваю Нину вперед. — Скажите, есть ли у нее хм на лице что-то необычное? То, за

что зацепляется ваш взгляд?

— Например? — хмурится.

— Хоть что-нибудь

— Ничего такого не вижу — лениво отвечает и потирает щетину.

Я внутренне ликую.

— Спасибо! Вот видишь? — мягко приобнимаю Нину. —

Я же говорила Пойдем.

— Мила! — прилетает мне в спину что-то хриплое и густое.

— Что? — оборачиваюсь недоуменно.

— А про себя спросить не хочешь?

— Я? — округляю глаза.

— Ты. — он еще раз затягивается и с мрачным выражением лица наблюдает за мной.

— А про себя, Давид Андреевич, я все знаю! — с достоинством отчеканиваю и, взмахнув челкой, покидаю накуренный кабинет.

Глава 3. Милослава

До конца консультации остается полчаса и это время я посвящаю работе с ложными убеждениями Нины.

К сожалению, так часто бывает.

Людям кажется, что их неудачи в коммуникации или отношениях связаны с тем, что у них плохая фигура, кривые зубы или прыщи. Они тратят много усилий и средств на то, чтобы похудеть, вставить зубы или подлечить лицо, но, избавившись от недостатков, так и остаются совершенно одни

Все дело в низкой самооценке.

— Милослава, можно мне пять минут?

— Что случилось?

— Я забыла отправить отчет по работе, сейчас — хватает из сумки планшет и нервозно его подключает.

Взглянув на часы, откашливаюсь и жду, пока Нина закончит. В носу все еще мерзко. Терпеть не могу табачный дым. На дух не выношу.

Давид Андреевич — вспоминаю.

Грустно улыбаюсь, как и всегда, когда слышу имя мужа в любой интерпретации и воссоздаю в голове его образ. Светлые волосы, тоже высокий и плечистый, сероглазый красавец, которого я встретила в Ледовом дворце, когда пришла туда, чтобы написать свой первый журналистский репортаж.

Андрей тогда был самым талантливым игроком в моло-

дежной команде «Спартак». Подающим надежды. Самым лучшим

Не скажу, что я быстро в него влюбилась, но бабочки в животе всколыхнулись.

Потом было пять лет профессионального хоккея, съемные квартиры, рождение сына и обрывающая все это досадная травма. Спорт для нас закончился слишком резко, Андрей переживал только об единственном: на что мы будем жить.

Место в системе клубе ему не предложили. Вообще, поступили крайне некрасиво. Когда самый результативный нападающий был в строю и забивал — собственники давали много обещаний и ценили, а потом включили режим тишины.

Да и муж был не из просящих и бьющих челом.

Андрей проявил спортивный характер и не сдался. Поступил в Институт физической культуры на заочное и нашел работу. Вышел водителем скорой помощи.

Жизнь потихоньку стала налаживаться.

Это было такое счастливое время, что бабочки беззаботно порхали.

Учеба, Савелий подрастал, даже на первый взнос по ипотеке накопили. Шумно отпраздновали новоселье, решили поторопиться со вторым ребенком и в первый же цикл залетели.

Правда, летала я недолго. Разбилась

И бабочки тоже сдохли.

На шестом месяце пришла беда.

Страшная ночная авария в центре Москвы. Машина известной актрисы Паулины Лавр на скорости двести километров въехала в спешащую на вызов скорую помощь.

Андрей умер сразу. Почему-то именно эта мысль тогда часто меня подбадривала. Представлять, что любимый человек мучался перед смертью было невыносимо.

Беременность, роды и первые полгода жизни Богданы помню смутно.

Квартиру банк забрал, а мы с Савелием и малышкой снова перебрались к моей маме. В нашу уютную трешку рядом с Лужниками.

— Я все — извиняющимся голосом, говорит Нина. — Задержала вас, наверное.

— Нет. На сегодня вы последняя — вздыхаю. — Давайте обсудим, что вы чувствуете после нашего разговора?

— Мне стало спокойнее, — отвечает после недолгих раздумий.

— Я очень рада.

— Но еще немного тревожно.

— И это тоже нормально

— Можно я приду к вам в понедельник?

— Конечно.

Мы тепло прощаемся и я начинаю собираться домой, чувствуя в теле небывалую легкость. Она же ощущается в голове. Именно ради нее я каждый год держу диету после Пасхи.

Так весна кажется ярче и сочнее.

— Мам, — перед выходом звонит Савушка. — Скинь две сотки

Улыбка сходит с лица.

— Каждый день одно и то же. — ворчу, ища телефон в сумке.

— Я на метро до дома доеду. И дошик себе куплю. Два

— Зачем на метро? — удивляюсь, осматривая стол, подлокотник кресла и диван. — Да где он, черт возьми?

— Ты по нему со мной разговариваешь, ма, — сын со скукой в голосе подсказывает.

— Ох — убираю телефон от уха. — И правда Спасибо.

Так зачем тебе метро?

— Я это в общем, сегодня так надо. Не могу к тебе на работу подъехать.

— Что за тайны, Селиванов? — хмурюсь.

— Ма Ну я сам хочу. Все Дома встретимся.

Зыркнув в сторону соседа, сбиваю дымное марево рукой и иду по коридору к лифтам.

Все, как всегда.

Машу на прощание бармену из лобби-бара и накидываю на плечи что-то вроде палантина. Бледно-желтый, мягонький. На самом деле это винтаж от Шанель. Отрыла на блошином рынке и влюбилась.

Жаль, что видим его только я и московские пробки.

Обдумывая, нужно ли заехать в супермаркет и примерный

список покупок, чуть не забываю о Богдане. Вынырнув из пробки, кружу по району и заезжаю на территорию все того же Ледового дворца, что и двадцать лет назад.

Правда, в воспоминания молодости удариться не успеваю, потому что навстречу, размахивая рюкзаком, несется моя дочь. А за ней — четыре пацана ее же возраста.

Запрыгнув в машину, Богдана кричит:

— Мам Блокируй и едь!!!

Парни, увидев меня, замедляют ход и переговариваются.

Я тянусь к кнопке, убираю ногу с тормоза и пока осматриваю мешковатые джинсы, бомбер на два размера больше и короткие светлые волосы, это чудо открывает окно и кричит на все Москву:

— Пока-пока, олухи!

— Что случилось сегодня на тренировку, Дан? — спрашиваю обыденно и выезжаю на дорогу. — Расскажешь?

— Да пошли они! — она отворачивается от окна и оттопыривает нижнюю губу так, что того гляди заплачет.

Злится. Отпускаю пережить, как она любит — одной.

Я качаю головой, тихо улыбаюсь: эта функция встроена в меня в связи с перепрошивкой и освоением профессии психолога после рождения дочери, и вдыхаю свежий, вечерний воздух.

Весенняя Москва пахнет цветущей яблоней, совсем немного выхлопными газами и майским шашлыком от Ашо-

та.

Его простенькая шашлычная находится всего в квартале отсюда, поэтому я на автомате сворачиваю в прилегающий к ледовой арене двор и еду за сочным вкусом беззаботности и детства. Раньше как раз в это время мы уезжали на дачу.

В наши любимые Коптяки.

Отмывали маленький домик после зимы, стелили разноцветные коврики, застилали газетками стол и до заката работали на маминых плантациях.

Боже, как я это не любила, кто бы знал? Всю эту грязь под ногтями, соленый пот, палящее солнце и жужжащих над ухом комаров.

Брр

Улыбаюсь.

А сейчас что-то вспомнилось с любовью и ностальгией. Будто тоненькой иглой от шприца врезалось в сердце и там осталось: в Коптяки хочу!

Парковка перед шашлычной Ашота пустует.

Оставив дочку в машине, нахожу в сумке красный кошелек, когда-то купленный к большим деньгам в Алании, прилетев из которой мы еще месяц жили в натяг, и захожу внутрь.

— Мама дорогая. Какие люди! — хозяин встречает, как и положено кавказцам — с широкой душой и эксклюзивными комплиментами. — Милочка дорогая в гости ко мне заглянула. А какие глаза у тебя! Я ведь уже говорил? Зеленые,

мощные, экономные

— Эксклюзивные? — поправляю.

— А да Хочу утонуть в них, хватать воздух, мечтать спастись и снова нырять. До самой смерти. И чтобы меня не откачали и не нашли

— Живи долго, Ашот, — я смеюсь и поправляю воротник блузки.

Мужчина он видный. Высокий, рукастый, готовит вкусно. Иногда классно получить порцию приятностей, но, конечно, всерьез я этот флирт не воспринимаю. Во-первых, предполагаю, что у Ашота есть свои глаза. В которых он давно и безвозвратно утонул и погряз в бытовых детских хлопотах. Такой мужчина должен быть плодовитым.

Во-вторых, отношений я не ищу. Мне комфортно так, как есть.

Надо сказать, я пробовала

Ходила на свидания с прогулками и цветами, но в итоге поняла, что все это было продиктовано запросом общества из разряда «нормальная женщина — замужняя женщина». Поняв это, отпустило.

— Ты зачем исхудала так, Мила джан? Тебя мама Нонна совсем не кормит, да?

— Это я сама. К лету решила прийти в форму.

— Я в милицию напишу.

— Зачем?

— А за порчу имущества. Что ты такую фигуру попорти-

ла!

Я смеюсь и делаю заказ на шашлык из куриных бедер. Ашот, как всегда, докладывает картошечку на углях, хрустящий салат из капусты и моркови и лук. Совершенно невероятный по вкусу лук. Кстати, рецепт маринада я брала. У меня так даже близко не получается.

— Пока, Мила джан, — тепло прощается. — Заходи со своей семьей, если еще здесь буду.

— Что-то случилось? — вдруг настораживаюсь.

Ашот — человек-праздник. Всегда громкий, улыбающийся и бравирующий своими комплиментами. У таких людей, как правило, думаешь — все в порядке. В эту ловушку попала и я.

— Да Москва эта Забирают мою шашлычную. Под снос Зэка будут строить.

— Зэка? — хмурюсь. — Может быть ЖЭКа — подсказываю. — Жилой комплекс.

— Ага Муравейники эти, ешкин-трешкин.

— Как же так? А взамен? Ничего не предлагают? Может быть, площадь в новом ЖК?

— Да кому мы тут нужны, Мила джан? Раньше были одной семьей СССР Сейчас все развалили, и мы тут так приживальцы — злится он.

— Мне очень жаль, — присоединяюсь и, сделав пару шагов, перекладываю ароматный пакет в левую руку и сжимаю тяжелую ладонь на прилавке. — Если нужна будет какая-то

помощь, Ашот, ты всегда знаешь, что можешь ко мне обратиться.

Его темные глаза в обрамлении черных ресниц загораются таким сексуально-озорным блеском, что уже того гляди — я в них утону, поэтому провожу четкую границу:

— Как к другу!

— Спасибо тебе. Добрая ты женщин Мужик тебе нужен.

— Мне нужен австралопитек. — вдруг вспоминаю про школу.

— Кто?

— Да так — махнув рукой, выхожу из шашлычной.

А дома у нас случается вкусный ужин, во время которого каждый делится тем, как прошел его день. Я рассказываю про все. И про заглянувшую ко мне Дашку, и про курящего соседа-похоронщика, раздражающего меня одним своим видом.

Данка тоже отходит. Делится с нами, что не смогла забить вполне себе очевидный гол с подачи, и парни над ней потешались.

Девчонка у меня огонь-пожар. Не дает себя в обиду.

Наверное, так и должно быть.

Во время беременности я испытала сильнейший стресс, который закалил Богдану. Для того чтобы справиться и выжить, ей пришлось стать сильной и физически выносливой. Мой маленький богатырь весом в четыре двести родилась в самую холодную ночь зимы. За окном было минус трид-

цать семь, мороз своим ледяным дыханием заковал все стекла роддома, но внутри в палате с белыми кафельными стенами мне впервые со дня смерти Андрея стало по-настоящему тепло.

Правда, есть и минусы. Этот щит, с помощью которого Дана отгораживается от всего мира. Мы с ним боремся.

А мама Она просто мама.

Ей шестьдесят четыре, стройная седовласая пенсионерка с позитивным взглядом на все и очень интересная женщина, не страдающая дефицитом времени.

Она долго рассказывает, как ходила на маркетплейс, примеряла там разные платья на лето — примерно восемь, а в итоге ушла с зимней курточкой. И вот, теперь мы всем семейством зачем-то хвалим этот бежевый пуховик с золотыми пуговицами, а мама думает, в чем же она будет ходить летом.

Савелий отмалчивается.

Бесконечно шмыгает носом и ест свой «Доширак». С едой на него не наседаю. Подросток. Только соли прошу поменьше. Вроде слушает.

Дети расходятся по комнатам, а мы с мамой отваливаемся на спинки стула. С непривычки мне становится тяжело так, что хочется встать и поработать.

— Я тут подумала, ма. Давай-ка съездим в Коптяки? Посмотрим, что там и как. А может, и баню построим ну и зеленушки там посадим. Чтоб только на стол. Без переусерд-

ствования.

— Да ну? — она удивляется и смотрит на меня так, будто знает про меня больше всех. — Я всегда знала, Милослава, что к земле тебя потянет.

— Да никуда меня не тянет, — я легко смеюсь, опускаю голову набок и сминаю бумажную салфетку. Улыбаюсь задорно. — Просто хочется чего-то новенького.

Будоражащего, но уютного.

Крышесносного

— Ну раз хочется тебе. Давай съездим

Глава 4. Давид

— «ПОЛКОВНИК ЛИТВИНОВ ДАВИД АНДРЕЕВИЧ. РЕШУ ЛЮБЫЕ ПРОБЛЕМЫ. ДОРОГО». — С иронией зачитывает Аскеров табличку, на которую я потратил целых полчаса субботнего утра, и придерживает дверь рукой. — Решил начать зарабатывать, Давид? — смотрит на меня с улыбкой.

— Летала ракета, упала в болото. Какая зарплата — такая работа! — затягиваясь сигарой, пожимаю плечами и бросаю ноги на стол.

— Привет.

— Че ты там встал, как на Красной площади? Закрой уже дверь. Сигару будешь?

— Ты же знаешь, я не курю.

— Знаю, — кивком приглашаю на стул. — Поэтому и предлагаю. Сигары кубинские оригинал. У меня за них такая ебля с пляской была с таможенниками. Твоя харя обойдется.

Он усмехается и садится напротив.

Обручальное кольцо сверкает на пальце. Раздражает.

К тому, что мой друг и бывший сослуживец Ренат Аскеров шесть лет назад начнет встречаться с моей девятнадцатилетней дочерью-студенткой МГУ, подготовиться было невозможно.

Ни дружба со мной, ни разница в пятнадцать лет этого

чертового мудака не остановила.

И пускай много воды утекло с тех пор, а за плечами большое количество не самых приятных служебных ситуаций, после которых я на целый месяц оказался в Крестах и до сих пор таскаюсь по следакам, уложить в голове, что теперь мы вроде как родственники, крайне сложно.

— С чем пожаловал, сынок? — выпускаю облако дыма.

Аскеров качает головой и ржет.

— Как Эмилия? — интересуюсь.

— Отлично. Готовится к гастролям. Ты бы заехал. Встретились бы. Поговорили

— О чем? — прищуриваюсь.

— Да так — он теряется. Опускает глаза и улыбается. — Обо всем.

Потерянный Аскеров?

Улыбающийся Аскеров?

Хорошо же его любовь окаянная в рог скрутила.

Занятно.

Что там за «обо всем»?

— Заеду пообщаемся. — обещаю. — Только не вздумай ей рюкзак спереди повесить.

— Это еще почему?

— Не торопись, а то успеешь. Рано ей беременеть

— Я с тобой советоваться не собираюсь

— Охренеть — подрываюсь с места. — У тебя голова, чтобы в нее жрать?

— А у тебя, чтобы в нее курить? — он тоже злится.

Смотрим друг на друга непримиримо. Почти минуту.

Отваливаюсь на спинку стула и еще раз затягиваюсь.

— Слабая она еще. Дай ей время восстановиться.

— А я думал ты о себе печешься

— Отчасти. — пожимаю плечами. — У меня можно сказать только жизнь началась. Чувствую себя выпускником. Двадцать пять лет отдал Лубянке, а сейчас два месяца в Москве. Под подпиской. В этой жизни вообще такое было? Да и дедом быть не комильфо.

— Девчонки давать перестанут? — ржет.

— «Девчонки давать перестанут» — передразниваю. — Меня студентки не интересуют. Как на них вообще стоит? Хотя не отвечай — шас блевану. — Лучше не будем развивать эту тему, Ренат.

— Как скажешь, — он со смехом откашливается.

— Меня, друг мой, женщины интересуют.

— За сорок.

— Настоящие женщины Чтоб все при них. — обрисовываю песочные часы руками.

— Не сомневаюсь.

— И в голове что-то было. А малолетки эти в слове «хуй» три ошибки делают. — отмахиваюсь.

— Так может ты еще и женишься?

— Ни-ког-да!

Хлясь — отрезаю сигару.

— Жена у меня одна и на всю жизнь.

Марина моя умерла в родах, когда Эмилию рожала. Так самый счастливый день в году омрачился, и я стараюсь не сойти с ума каждый год. Радуюсь и тоскую одновременно.

— Прошло больше двадцати пяти лет Жизнь имеет свойство продолжаться, Давид

— А ты че папку лечишь? Сказал же — никаких жен не планирую.

— Ладно-ладно, — поднимает руки.

— Да и работы у меня — масса.

Ровно в этот момент в дверь стучат и на пороге появляется уже знакомая девица, с того самого эксперимента у меня в кабинете.

— А Мирославы сегодня нет? — испуганно спрашивает.

Ебануться ноги гнутся.

Я похож на секретаршу?

Ренат равнодушно смотрит на гостью.

— Суббота, — я ворчу и киваю в календарь на стене.

Получается секретарша. Вон уже и дату глянул. Того гляди на понедельник запись вести начнешь.

— А она не работает по субботам?

— Вряд ли

Такие женщины как Мила по субботам стрелки на мужских брюках на крахмал ставят. Да борщ с котлетами в пирожки защипывают. Видно же — баба хозяйственная, цену себе знает, мужикам понравиться не спешит.

Вон как в лифте от нас с Наилем нос свой воротила.
Перегаром ей пахнет.

Она еще нашего бывшего генерала после дня МВД не нюхала. Наиль — чмо в памперсе в сравнении с ним.

Девушка не уходит.

Вымученно долго читает мою табличку на двери, словно подтверждая уровень вышесказанного интеллекта, а потом смотрит на меня жалобно.

— А если Милы нет, может вы мне поможете? — умоляюще просит.

— А волшебные слова? — взглядом уже прощаюсь с Аскеровым.

— Я вам заплачу!

Глава 5. Давид

Выпроводив перезятя и чудную девицу, заканчиваю здесь.

Чашку из-под кофе убираю в шкаф. Там таких же штук пятнадцать скопилось. В наборе двадцать четыре. Как закончатся, выкину и куплю новый. Санузлов в этом здании индивидуальных нет, да еще я с грязной посудой не таскался.

Закрыв офис, прислушиваюсь к тишине. В глубине кабинета Милы пиздостраданий не слышится. Значит, сегодня и правда выходной.

Иду к лифтам.

Потом по знакомому маршруту через фойе и стоянку в кофейню.

— Заказал? — спрашиваю у Наиля и расстегиваю пуговицу на пиджаке.

Сзади подходит официантка с подносом.

— Как ты это пьешь?

— Бронекофе? — залпом выпиваю. — Спокойно

— Это ж хрень. — морщится.

Хочется ответить что-то типа «хрень в зеркале увидишь», но не клиентоориентировано это. Раньше — в бюджете — мог позволить и не такое, сейчас только завидовать самому себе и подбирать формулировки.

— Насыщает. Вместо обеда. — завязываю с этой темой.
— Дела твои решил. Оплата вперед.

— А можно я Екатеринбургami оплачу?

— Чем?

— В смысле налом Пятитысячные.

— Окей. Тридцать пять штук.

— Тридцать ж было. — отсчитывает.

— Конвертация — пожав плечами, убираю пачку в карман брюк.

Сам охереваю. В "Екатеринбургах"

Скоро за говно и палки работать начну.

— Звони Быстрицкому. И говори все как есть.

— Сейчас? — бегаёт глазами по кофейне. — А если он не ответит? А если у него подключен джи-пи-эс и за мной сюда приедут?

— Много двигаешься не по делу. Звони давай.

— Ладно — хватает телефон.

— На громкую поставь.

— Алло, — запинаящимся голосом здоровается. — Всеволод Леонидович, это Дзагоев

— Ааа — на том конце отвечают так, будто долго вспоминают.

— Решил сам набрать вам. Пообщаться. Ваши люди ко мне приезжали, но я в душе был.

Блядь.

С утятами купался.

— В общем, я звоню принести вам свои извинения и сказать, что отпускаю Юлю. Трудно, конечно, но отпускаю. Ре-

шил, все же у вас семья. Был не прав. Простите

— Ладно уже — рывкает он так, что Дзагоев округляет глаза от счастья. — Забыли. Ляпнешь кому-нибудь, что жену мою трахал — на ремни пушу.

— Нет, что вы? Кому я скажу? Спасибо и всего хорошего, — трусливо и быстро прощается.

Опустив глаза, жду.

— Как у вас это получилось?

— Стандартная подготовительная работа. Его три дня качественно трахала лучшая эскортница Москвы. — подкуриваю. Народ здесь лояльный. Да и чаевые не жму. — Звони бабе его.

— Сейчас — радостный кивает.

Доброе дело делаю. Вон как люди улыбаются.

— Юльке сам позвонишь. Скажешь, что решил отпустить ее к мужу. Обидно тебе, досадно, сопли по стене размазываешь, так что не дробится.

— А если она истерику закатит? И отцу расскажет?

— Не станет. Про новую любовницу Быстрицкого жена в курсе и себеподобной отдавать его не станет. Закон стаи такой. Была бы там плешивая — отдала бы с инструкцией по применению. Она сама не знает, как от тебя отвязаться теперь и, чтобы ты ее отцу ничего сдуру не ляпнул. Он за блядство по головке даже родную дочь не погладит, должность не та. В общем, подарок ей своим звонком сделаешь.

— Спасибо, Давид Андреевич! — радостно поднимается

Дзагоев и тянет руку, чтобы пожать. — Спасибо! Буду рекомендовать вас, как профессионала.

Как профессионалку меня теперь по Москве рекомендовать будут. О как, полковник! Растешь!

— Поеду отмечать

— Сначала бабе позвони и будь с ней нежным! Не хами. Справишься? — тоже поднимаюсь.

— Конечно!

Расплачиваюсь с барменом за стойкой.

Не глядя на расхуяренное крыло «Вольво», сажусь за руль и выезжаю в вечерний центр Москвы. По привычке гоню к управлению. На Лубянку. Там долго стою на аварийке, как идиот.

Можно поехать к дочери, но чуйка мне подсказывает: надо обождать. Сначала переварить то, чем она поделится с и без того седеющим отцом.

Можно Да много куда можно

На хрена? Вот в чем вопрос.

Еду привычной дорогой. На Юго-Запад.

Дом у нас старый. Такой в нем еще при Сталине красивые дамы минеты членам членов ЦК раздавали.

Не первой свежести и народ разный.

Да я и не знаю никого. Столько лет набегами, набегами. Так двадцать пять и отбегал. А сейчас списан за ненужностью.

Сломался самокат. Расходимся, малышарики.

Из жильцов Ленку только знаю.

Мы в детстве с ней в один детсад ходили, а бабу, при которой ты ссался под себя, надо держать поблизости. Желательно немую.

С этим Ленка справляется на раз.

Бухает как тварь.

Возле подъезда выводок ее.

Трое.

Старшему лет десять. Славкой зовут.

Мелких — хэээ, но растут как одуванчики — то бишь быстро заполняя собой все пространство. В подъезде от игрушек (по ощущениям с помойки) пройти негде.

Бросив пиджак на перила и подтянув штанины, сажусь рядом со Славкой на низкую скамейку и подпираю лицо рукой.

Он грязным ногтем упрямо ковыряет палку.

Оставшиеся две пары глаз цвета грязного янтаря смотрят на меня, как на инопланетянина.

— Че мать? — интересуюсь.

— Спит

— Пила?

— Нет.

— А че спать так рано легла? Семи еще нет.

— Утром вставать рано — Славка безобразно шмыгает носом.

Отвечает нагло.

— Куда вставать?

— За одеждой поедем и за обувью вон мелкой — кивает на грязную босоногую девчонку неопределенного возраста.

— И за игрушками В «Детский тир»

— Ага Прямо в тир и поедете На катамаране — тянусь к карману, но вовремя торможу.

К запаху табака они привыкшие, но все равно На хуй.

— Че такое «каратаман»?

— Катамаран. Средство передвижения по воде. Педали крутишь — он плывет. Или не крутишь и тебя несет в нееби Короче, далеко несет Лучше педали не отпускать.

В жизни — так однозначно.

— Во кайф! — выдает Славка. — А ты такой видел?

— Бывало.

— А катался?

— Бывало.

— Я тоже хочу — выбрасывает палку и еще раз шмыгает.

Скашиваю взгляд на янтарных.

— А в Екатеринбург? Хочешь?

— А что это?

— Город такой

— А мама тьям будеть? — спрашивает самая мелкая янтарная. Или мелкий. Как их различают? Как котят?

Кроме дочки, я маленьких детей ни разу в жизни не видел. Да и ее няня воспитывала — скажу честно. Я горевал. Сильно горевал и поменьше — потому что на работу вышел.

— Будеть?

Не знаю, что ответить. Мать есть мать — даже бухая нужна.

— На-ка — вытягиваюсь, чтобы втиснуть ладонь в брючный карман. — Вот тебе Екатеринбург — сую Славке в руку две пятки.

— Ого! — детский мозг шалит от такой щедрости. — Десять тыщ!

— Эй Але, телевидение — хмурюсь. — Все сразу не трать. Пожрать купи да сандали этой — киваю. — Ну по игрушке вам. Сам посмотришь.

— Понял, посмотрю.

— Остальные от мамки спрячь и сохрани. Привыкай копить, Славян. В жизни полезно, если будет что. И на «ЦСКА» никогда не ставь. Все равно продуют, киборги.

— Понял, — хватает янтарных по обе руки.

Уходят вприпрыжку.

Глядя им вслед, вытягиваю из пачки сигарету и медленно подкуриваю. Смотрю на дверь подъездную. Домой не хочется, насиделся там, пока следствие вели Колобки.

Телефон вибрирует во внутреннем кармане пиджака.

Вскрываю.

— Литвинов. — рывкаю и выпускаю сизое облако в грозное серое небо.

— Мурмусик — звучит женский, заигрывающий голосок. Давлюсь.

— Жанна, вот ты как чего-нибудь ебнешь! — качаю голо-

вой и устало растираю лицо ладонью. — Хоть стой, хоть вой.

— Ну, не злись. Я, вообще-то, тебя жду. На субботу ведь договаривались. Надела все лучшее и сразу М? Ты приедешь тигр?

— Хуигр! — пальцем отфутболиваю окурок в кусты, поднимаюсь и забрасываю пиджак на плечо. — Скоро буду, раздевайся

Глава 6. Милослава

Обеденный перерыв трачу на то, чтобы перезвонить всем требующим моего внимания. Дашка мнетя у порога, чтобы сопроводить меня в лобби, поворчать на курогрудь, лежащую в сумке, и обменяться последними слухами.

— Иван, добрый день! — улыбаюсь в окно. — Это ваш психолог Милослава. Вы оставляли сообщение, чтобы я вам перезвонила?

— Да. Мила — голос звучит неуверенно. Даже неудобно.

Мы встречаемся два раза в неделю почти полгода, и я знаю, что Иван нерешительный молодой человек, который к тому же страдает от неразделенной любви к своей начальнице.

— Вынужден отказаться от наших встреч.

— Отказаться? — я тут же расстраиваюсь.

Уж такой человек — сложно прощаюсь с людьми, когда сильно к ним прикипаю.

— Что-то случилось?

— Нет. Вернее, да Мы теперь с Ларисой вместе

— Да вы что? — радуюсь, как за себя. — Вот это новость!

Вы все-таки сделали, как мы репетировали и признались ей в своих чувствах?

— Не совсем — мнетя. — Но главное, что мы вместе и я очень счастлив.

— И я за вас рада! Если еще когда-нибудь будет нужна моя помощь — вы знаете, где меня искать!

— Спасибо, Мила. Всего хорошего.

Я опускаю телефон на стол и вычеркиваю еще одного постоянного.

Того и гляди, останусь без работы.

А нам в этом месяце арендную плату подняли.

— Не понимаю Что с ними происходит? — жестом указываю Дашке на стул. — Как по заказу все отваливаются. Один за другим.

— Ты просто мало с них берешь. Вот они и не воспринимают тебя серьезно. Вот — этот который то ли порно, то ли похороны. В лоб всем пишет «ДОРОГО». Эх еще и полковник.

— Для меня это слишком, — пожимаю плечами. — Наживаться на чужих проблемах я не привыкла. Да и нам вполне хватало, когда все клиенты были со мной. Что же делать? Я ведь маме пообещала подлатать наш старый домик в Коптяках и уже навоз заказала.

— А навоз-то зачем? — морщит носик. Городская душа.

— Для огорода

— Ты ведь хотела только зелень?

— Да как-то вышло так Не специально. Сначала зелень, потом редиску на окрошку, а почему бы и огурчиков не посадить? Ну что за салат только с огурцами. Помидоры, перцы. Маме кто-то отдал семена моркови и свеклы. Жалко —

пропадут.

— И началась у тебя, Селиванова, половая жизнь. Трахаться теперь будешь со своим огородом

— Дурочка! — я смеюсь и набираю Нине. Последнюю консультацию она тоже пропустила. — Я же без фанатизма. Вырастет — хорошо. Не вырастет — да и ладно. Хоть дети на свежем воздухе лето проведут. Нина? — рукой прошу Дашку помолчать. — Добрый день.

Пока слушаю ответ, разглаживаю невидимые складки на шелковой юбке нового для меня сорок четвертого размера и люблюсь манжетой белоснежной рубашки. Изюминка моего сегодняшнего образа — летние кружевные сапоги, которые я отырла там же, в Коптяках.

Лет сто их не носила.

— Милослава Здравствуйте. — отвечает Нина. — Извините, что не предупредила. Больше не имеет смысла нам встречаться, я наконец-то узнала, что тот молодой человек совершенно не имел ничего против моего носа.

— Да что вы?

— Да! Ему мама со мной встречаться запретила. Я прямо выдохнула, и сразу все изменилось, понимаете? Все теперь по-другому.

— Так часто бывает, Нина. Глоток свежего воздуха от перемен.

Правда, потом происходит откат, но зачем об этом говорить и настраивать клиента?

— Ну вот. Я больше не приду. Спасибо вам. Вы очень помогли и Давид Андреевич

— Кто? — я округляю глаза.

Уж это имя ни с кем не спутаю.

Ну не дура ли я?

Сама привела ее за ручку к этому Литвинову!

— Давид Андреевич Полковник — подтверждает мои мысли Нина. — Это ведь он мне помог

— Спасибо, Нина! — недослушав, ожесточенно бью по экрану пальцем, поднимаюсь из-за стола и несусь на выход.

— Сейчас! — киваю Дашке.

Соседская дверь поддается сразу же.

Правда, со стуком я запаздываю.

В нос снова бьет крепкий табачный дым.

Хозяин кабинета скидывает ноги со стола и смотрит на меня приветливо. Ровно до тех пор, пока я не начинаю говорить:

— То, что вы делаете — это просто возмутительно!

— А что я делаю?

— Воруете!

— Я? — прищурившись, осматривает меня с ног до головы.

— Вы. — тычу в него пальцем. — Воруете моих клиентов! Нагло! А у меня аренда! А у меня навоз!

— Чего? — поднимает свои бесстыжие брови.

— Вы вор!

— Стоп!

— Наглый вор!

— Стоп, я сказал! — повышает на меня голос Давид. — Разговаривать нежно! — приказывает. — Орать не надо! Для оральных ласк здесь не место.

— Вы Да как с вами разговаривать? — ставлю руки на пояс и пытаюсь воззвать его совесть своим грозным взглядом.

Мои крупные серьги позвякивают, еще больше раздражая.

— Сказал же — нежно. Что случилось?

— Вы мало того, что — смотрю по сторонам. — Курите у меня под носом, так еще и клиентов уводите.

— Кого я увел?

— Нину?

— Шарахнутую эту?

Неопределенно пожимаю плечами. Потому что для меня это только отчасти правда.

Вот что он за человек? Этики никакой.

— Она сама ко мне пришла, попросила помочь. Во имя чего я ей отказать должен?

— Потому что Нина — моя клиентка.

— И что? Если бы она ходила к окулисту, то к хирургу ей, по-вашему, не попасть?

Хирург, значит!

— И я начала работать с ней первой — растерянно договариваю.

— Доблестная хуйня.

Я чувствую, что сейчас взорвусь, поэтому дефилирую к двери, но потом останавливаюсь и круто разворачиваюсь на каблуках.

Литвинов пялится на мои сапоги.

— Ну уж нет, — поглаживаю переносицу. — Я не смолчу. Вы меня выслушаете! Невысказанное — это ведь психосоматика. Вот сейчас проглочу, а потом это ангиной вылезет, герпесом или еще хуже — раком

— Да у меня уже у самого рак мозга от твоего выноса.

— Ах так? — я возмущаюсь, делаю пару шагов и со злости хватаю со стола кожаный портсигар. — У вас — скорее вот от этого будет! — выкидываю его в окно и в момент, когда вижу вещицу в небе, понимаю, что все — Курить вредно — говорю уже не так уверено.

— Ты ошалела? — Литвинов поднимается и смотрит вслед своему портсигару. — Идиотка!

— Сам такой! — парирую.

Молча наблюдаю, как он хватается пиджак с крутящегося стула и направляется к двери.

Иду за ним.

— Да я вас всего насквозь вижу! — шиплю ему в лицо в коридоре.

— И какого цвета у меня трусы?

Дар речи теряю.

ХарассМент Андреевич.

При чем тут его тусы? Я о них вообще не думала. Как-то Дашка рассказывала, что в парке к ней подошел полуголый мужик. Из одежды — один плащ. Он дергал свой отросток и смотрел на мою подругу. Только сейчас понимаю весь ужас, который она пережила.

Литвинов в ответ на одолевший меня ступор мрачно добывает.

— И сантиметров у меня сколько? — спрашивает с усмешкой.

Я, клянусь, чисто инстинктивно смотрю на его ремень и съеживаюсь под пристальным взглядом.

Голос дрожит, но я стараюсь держать внутреннее достоинство и задираю подбородок.

— Ну уж нет. Я не буду лелеять ваши скрытые комплексы

— Все понятно. — он закрывает дверь на ключ. — Звездишь как дышишь, шарлатанка!

— Мужлан неотесанный! — заряжаю звонкую пощечину, когда поворачивается.

Синева в его глазах темнеет, но ему хоть бы что! Он тоже пялится на мои бедра.

— Дохлая крыса! — сквозь зубы оскорбляет и уходит так, будто вот-вот пробьет ногами пол.

— Я же говорила, что тебе больше не надо худеть к лету, — смеется подруга и мечтательно смотрит этому гаду вслед. — Какой классный мужик, Селиванова! Тебе такого надо!

Громко всхлипываю и возвращаюсь в кабинет.

— Нет. Ты его слышала? Он ворует, а я крыса?

— Ну все, ну все, — Дашка обнимает. — Ты его разозлила. Шмалев тоже на эмоциях меня как-то курицей назвал

— Курица лучше, чем крыса. — жалобно шмыгаю носом.

— Звучит как лозунг из шаурмячной. — хихикает.

— Я не крыса Это он вор!

— Мужик этот, Милка, нормальный. — Даша задумчиво гладит меня по голове. — Придется договариваться

— С ним? — я снова злюсь, сжимаю кулаки и дую сопли.

— НИКОГДА!

Глава 7. Милослава

Все, что нужно знать о Милославе Селивановой, — я быстроотходчивая и совсем не злопамятная.

А еще, в детстве моим любимым фильмом был «Крестный отец». Майкл Корлеоне говорил: «Держи своих друзей близко, а врагов ещё ближе».

Вот так.

Поэтому уже на следующий день стою перед кабинетом полковника при параде: в цветастом фиолетово-желтом сарафане, фиолетовой шелковой чалме, закрепленной на голове брошью, и узких желтых босоножках.

В руках — сладкий пирог со щавелем, на лице — мед.

Стучусь и, едва услышав грубоватое: «Входите», попадаю в никотиновое царство кожи и дуба. Последнее — вовсе не о полковнике.

Он, кстати, с легкостью мог бы играть штрих-код в каком-нибудь современном театре, потому что за месяц работы бок о бок кроме черного и белого ничего не носил.

А еще спрашивал какого цвета у него трусы

Будто здесь есть варианты? Да?

Мужчины, блин

Переминаюсь с ноги на ногу.

Брови Литвинова, как всегда, радуются мне больше всех.

Выгибаются удивленно и замирают.

А сам Давид Андреевич резко хватает свой новенький, блестящий портсигар со стола.

— Не бойтесь, — мягко улыбаюсь, поглядывая на открытое окно и сжимая блюдо с пирогом. — Я с миром. — демонстрирую пирог. — Вот. принесла.

— Да ладно? — откидывается на спинку стула и, подперев рукой висок, изучает мой яркий наряд. Курит — естественно. На этот раз сигарету. — А я думала фэйсом об тэйбл бить пришла

— Чего?

— Тебя радуга покусала? — кивает на мой сарафан.

— А вы всегда хамите тем, кто приходит к вам с добром? — задираю подбородок и ставлю на стол свой «белый флаг» — красивейший открытый пирог с розочками и косичками.

Еще горяченький. — Я ведь и правда извиниться пришла. Вспылила — с кем не бывает. Вечером уже сожалела. Вещь вашу уже не вернуть, — поглядываю в окно в память о старом портсигаре. — А я чувствую себя виноватой

— Да ладно? — почти с восторгом произносит.

Я осматриваю суровые черты лица, как минимум трехдневную щетину и смотрю в открытый ворот черной рубашки.

— В общем, вот! — достаю еще одну заготовку.

Пластиковую бутылку с серебристой этикеткой.

— Что это? — спрашивает без энтузиазма.

— Гингко Билоба.

— Это заклинания?

— Нет. Это витамины.

— Витамины?

— Мои любимые. Совесть не позволила купить вам сигары. А сама я не курю

— Это, кстати, факт спорный
Качаю головой.

— В общем, я принесла то, что дорого мне.

— Тебе дороги витамины?

— Ну да. Они очень действенные, я курсами пропиваю. Особенно для гипоксии головного мозга хорошо. Кровообращение восстанавливает.

— У меня с кровообращением все в порядке.

— Так для профилактики. У меня для вас еще один подарок — настраиваюсь на позитив.

— А ты умеешь извиняться — он качает головой и вздыхает.

Я вдруг понимаю, почему с ним так сложно.

Литвинов в силу своего статуса и звания полностью ломает рамки нормального общения, где, как правило, люди говорят то, что принято, а не то, что они на самом деле думают.

Поэтому он так раздражает.

— В знак моих искренних извинений за вчерашнее, дарю вам свою консультацию! — торжественно объявляю.

Суровое лицо приобретает розовый оттенок.

От сдерживаемого смеха, что очень меня оскорбляет.

— Что, прости? — откашливается.

— Мою консультацию Хорошего психолога днем с огнем не сыщешь.

— Я сам себе психолог.

— Вы сам себе режиссер, Давид Андреевич. С психологом — не выйдет. — гордо парирую. — И кладу перед его лицом сертификат с моим лицом.

— Я похож на человека, которые придет к тебе сопли на кулак наматывать? — он тушит окурок в пепельницу и протирает шею.

Какой он дуб!

— Послушайте, я не знаю на кого вы похожи Вы оскорбили меня вчера, я вспылила — согласна, — выставляю ладонь, защищаясь.

Но он и не атакует.

Снова молчит и смотрит так тяжело и хмуро.

Ни капли мне не помогает.

— Я решила не развивать конфликт. Мы с вами соседи, это просто глупо — враждовать, а вы — топаю каблучком, яростно поправляю чалму и иду на выход. — Хрен вам, а не мир вашему дому, Литвинов!

— Мила! — хриплым голосом останавливает Давид уже у двери. — Не обижайся

— Я никогда не обижаюсь, — оборачиваюсь и поджимаю губы, задирая подбородок. — Я разочаровываюсь, Давид Андреевич

— Так и знал, что я тебя очаровал! — хищно улыбается.
Я закатываю глаза и хочу съязвить, но не успеваю.

— Спасибо за подарки. Пирог с травой, таблетки против деменции и твоя консультация — не знаю даже, что мне нравится больше.

Я фыркаю в ответ. Это Мила Селиванова вообще-то. А он что хотел?

Чтобы я к нему с пустыми руками извиняться пришла?

— В знак солидарности — тоже дарю тебе свою консультацию. — щедро отвечает на мои подарки.

— Ой что вы? Это слишком «дорого» — не могу не подколоть.

— Могу себе позволить

Тянется к пачке «Кэмэла» и я замечаю внушительный золотой браслет под манжетой.

Человек он не бедный. Может и помочь Знакомый полковник — это почти как знакомый гинеколог. Даже лучше, потому что без осмотра.

— Правда, что ли? — я прищуриваюсь.

Это ведь вообще — сказка!

Посмотрю на методы его работы, чтобы потом обезопасить своих клиентов и устранить утечку.

— Правда. Решу любой твой вопрос. Бесплатно. —
Еще раз подкуривает, пока отвлекаюсь на высокоскоростной мыслительный процесс.

Я выпрямляю плечи и легким шагом направляюсь к столу.

Бинго!

— Давид Андреевич, а вы любите шашлыки? — ослепительно (на мой взгляд) улыбаюсь.

— Только те, что не из меня

— Ну нет конечно Из дохлых крыс.

Не могу не ввернуть его вчерашний пассаж.

Уж очень задел.

— Ну какая ты крыса, Мила? Я погорячился.

— Рада, что здравый смысл возобладал.

— А вот на мандрила похожа

— На кого простите? — дышу через нос.

— Примат такой. С цветной мордой и жоп — опускает взгляд. — Цветными ягодицами.

Господи.

Дай мне сил

— Так что с шашлыками? — не воспринимаю его «комплименты». — Как вы смотрите на совместный примирительный ужин?

— Только если вы составите компанию и хорошенько поедите. — пялится на мои бедра.

— Договорились! — тяну руку, что тонет в широкой смуглой ладони.

Резко развернувшись шагаю к себе, но вспоминаю еще одну деталь.

— Давид Андреевич. — обращаюсь по-деловому.

— Да, Мила.

— Вы женаты?

— А что?

— Просто ответьте на вопрос.

— Нет, Мила. Я не женат.

— Ясно, — выдыхаю и хватаюсь за ручку. — Давид Андреевич.

— Да, Мила.

— А про меня спросить не хотите?

— А про тебя я уже все выяснил.

Глава 8. Давид

— Давид Андреевич, — слышу в трубке выдержанный, вежливый голос. — Позвольте уточнить, вы уже подъехали?

— Подъезжаю, Мила! — ворчу, пытаюсь развернуться в ебучих дворах.

Понастроили за двадцать лет, твою мать.

Человеку без шайтан-машины не разобраться.

— Какие-то проблемы? — Мила включается.

— Надеюсь, что там и правда есть шашлычка и это не твой план устранить конкурента, чтобы закопать в парке на Воробьевых горах

Мила смеется, как весенний колокольчик. Знать не помню, какой у него звук, но думаю именно такой. Легкий, парящий и искрящийся.

Только вот я ни хрена не такой. Не легкий, не парящий и не искрящийся. И на хуя тогда я на все это согласился?

Сидел бы дома. Карася соленого облизывал да пивом под футбол запивал. Пизжу для красного словца — пиво я отродясь не пил. Предпочитаю крепкие алкогольные напитки. Преимущественно водку и абсент. В меру.

— Ох, ну какие мы с вами конкуренты, Давид Андреевич? Мы с вами коллеги. В общем, я уже забрала дочь с тренировки, сейчас отвезу ее домой, переоденусь и к вам. Мне здесь два дома проехать.

— Лады. — жму на кнопку и обрываю звонок.

Переоденусь

В воображении сразу представляется, как Мила стягивает свой пестрый сарафанчик и херню с башки, как у очумевшего от религии индийца. Уверен, под всем этим благолепием на психологине что-то простое и непременно шелковое.

Ну не выглядит она как дама в леопардовых стрингах.

Кстати, о них

Телефон настойчиво вибрирует.

— Мусик

— Хуюсик — вздыхаю в трубку и верчу руль одной рукой, прикусывая дымящуюся сигарету зубами.

Слышал бы Аскеров — рожу бы свою скорчил.

Прилипла тоже как банный лист к жопе.

Еще и погоняла раздает как на зоне.

— Жанна. Не еби Му-му Говори уже! — рявкаю в трубку.

— И лучше вспомнить мое имя. Иначе я забуду твое.

— Все-все. Ты приедешь, Давид?

— Вряд ли — озираюсь в поисках расхваленной Милой шалманки.

Вдали, за деревьями мигает вывеска.

— Ну вот. — Жанна тянет томно и грустно. — А я к евоному приходу готовлюся

— Оставить подготовку, — командую и, отключаясь, тише говорю: — До связи.

Паркую забинтованный «Вольво».

Пришлось поддержать фару специальным скотчем. Оказалось, во время удара крепление вырвало с мясом, западать начала.

Найти бы того Альпаку, да вырвать ему все копыта.

Дверь противно скрипит.

— Здравствуйте! — здоровается со мной кавказец за стойкой.

Улыбка шире экватора.

— Вечер добрый! — нахожу свободный столик у окна.

Сделать это просто. Стола здесь три. Два из них стоят друг на друге. В миссионерской позе.

Короче, до Мишлена заведение не дотянули. Сдулись на этапе идеи.

— Бронекофе есть? — наступаю.

— Щьто? — морщится.

— Ясно. Тогда чай.

Только человек набирает воздух в легкие, чтобы ответить, как я дополняю:

— Черный.

Еще раз раздувает грудь

— Без сахара. — заканчиваю. Еще громче.

Выдыхает, как рыба.

Я качаю головой и опускаюсь на стул.

Я постукиваю костяшками пальцев и поджидаю машину психологини.

Ездит она на стареньком «Пежо», я давно заприметил.

Как только соседка паркуется, внутренне собираюсь и выпрямляю плечи.

Ну Неплохо

Оцениваяще пялюсь на то, как славно переливается на Миле бледно-желтая шелковая кофточка с запахом и как сексуально покачиваются бедра в синих аладинах.

Дополняют образ розовые вырвиглаз туфли.

Ни баба, а лакокрасочный магазин в Сокольниках, ей-богу.

— Ашот, — озаряет Мила тесное помещение своей улыбкой на тридцать ватт, как галогенной лампочкой.

— Мила-джан! — хозяин харчевни воодушевляется донельзя. — Ти пришла и жить захотелось. Ай, как хорошо, что твои ножки принесли тебя ко мне давление паднимать. Твои глаза

— Ашот, — она смущается и быстро находит взглядом вашего слугу.

Задирает подбородок и крейсером идет на меня.

— Я сегодня со своим единомышленником! — воодушевленно сообщает Ашоту.

Я кисло приподнимаю брови.

Единомышленник?

Может, тогда и расцелуемся по-Брежневски?

— Здравствуйте, — теперь шашлычник как полагается, с почестями и официозом здороваается со мной.

Здравствуй, здравствуй, хер мордастый.

Я помогаю Миле усесться и открыто изучаю черты ее лица. Впервые вижу, чтобы женское имя настолько подходило к внешности.

Милая она. Как в гневе, так и в своей сегодняшней капитуляции.

Хотя — буду честен — встряхнуть эту рыбу за плавники пару раз все-таки хотелось. Особенно когда она портсигар мой ликвидировала. Сучка.

— Ашот, нам как обычно — звенит длинными цепочками-серьгами. — И лаваш. Лавашей побольше

— Будет сделано, лучший женщин на Земле. — уже кончает за стойкой хозяин и уходит, оставляя нас одних.

— Я здесь часто бываю. — теперь Мила улыбается мне, а я пялюсь в бледно-желтый вырез и забываюсь.

Не то, чтобы там что-то необычное или то, чего я еще ни у кого не видел.

Просто цвет этот в сочетании с округлостями завораживает.

— Живу здесь рядышком с мамой и детьми, а мясо мы любим Особенно курицу. Бедро и грудь. А вы что любите?

— Хм. — откашливаюсь, как идиота кусок, и хмурюсь еще больше.

Для справки — я всегда нахмуренный.

На всякий случай.

Работа была такая: начальство видит, что ты радостный, и сразу думает, как бы спесь с этого одувана сбить. Чем бы

его огорчить?

Шифруюсь короче.

— Ну в смысле, вы любите бедра или грудь? — Мила с участием уточняет.

— Я хм — снова хриплю.

Сука.

Мы вот сразу так, как в моих фантазиях, общаться будем?

— Я все люблю. Лишь бы мясца побольше, — сжимаю ладонь, лежащую на столе.

— Тогда вам здесь понравится, — опускает глаза и поправляет кофточку на груди.

Здесь?

Фух

— В этом не сомневаюсь.

Я что?

В раю?

— А теперь расскажите о себе, Давид Андреевич. — Мила складывает локоточки на стол и подпирает ладонями узкий подбородок.

Глава 9. Давид

Я ухаживаю за ней. Разливаю по чашкам горячий чай и под снисходительным, женским взглядом сразу давлиюсь так, что обжигаю горло.

Но вида при даме не подаю

Сжимаю скулы и яйца посильнее.

— Хм Что рассказать? — начинаю расслабленно. Со сжатыми яйцами — это между прочим ебать какой труд. — Родился, учился

— Поподробнее, пожалуйста, Давид Андреевич. Спасибо, — переманивает к себе чашку, открывает сахарницу и проявляет интерес к моей скромной персоне.

— Подробнее Родился в муках, учился в муках, работал тоже в них. Сейчас вот вышел в отставку, — безнадежно плаваю в вырезе кофточка и костяшками пальцев потираю щетину на подбородке. — Уже надеюсь на какую-никакую компенсацию.

— Наверное, сложно вам.

— Отчего же?

Она пожимает плечиками.

Грудь приподнимается и тягуче медленно опускается.

— После стольких лет изменить свою жизнь — нужно иметь мужество.

— Ничего сложного Как два пальца обосса об асфальт. —

галантно исправляюсь и сдуру еще раз отпиваю чай.

Блядь

Еперный насос.

Язык в мясо.

— Вы молодец, Давид Андреевич! — Мила моих мытарств не замечает, легко улыбается и помешивает сахар на дне. Грудь красиво колышется, залечивая мою боль визуальным шумом. — Пойти абсолютно в другое направление, не сдаваться — это дорогого стоит.

— Да ладно, — потираю шею сзади.

Неудобно. Что мы обо мне обо мне?

— Расскажите, чем вы планируете заниматься. Это что-то вроде частного агентства?

— Суть такая, да

Отвечаю еще на тысячу вопросов, любуюсь тем, как психологиня внимательно слушает и потихоньку, короткими воробьиными глотками пьет свой чай.

Раскраснелась вся от волнений.

Ну нет

Или да?

Поплыла девица, что ль?

Прищуриваюсь и гляжу в чистое, не замутненное негативом и бестолковостью лицо. Мила смотрит так спокойно, так участливо. Широко распахнув глаза.

Твою мать!

Поплыла

Ну все

Лыблюсь.

Ашот этот, орел недотраханый, приносит свой шашлык, тонкий лаваш и кучу маринованного лука, от пробы которого и я, и моя спутница предусмотрительно воздерживаемся.

— Куда так много всего, Ашот? Я на диете.

— Мила-джан, кушай я тебя прошу. Ты только кушай. Ах, какая женщин хорошая — смотрит на меня.

Интересно, это рекламная акция спланированная?

Вон как мягко стелет, обхаживает, цену набивает.

— Вы любите кетчунез, Давид Андреевич? — вежливо интересуется Мила, разбирая приборы.

— Чего? — Провожая взглядом хозяина таверны до подсобки.

— Кетчунез Так дочка моя называет. Это смесь майонеза и кетчупа. Мы всегда для шашлыка делаем. — Помешав оранжевую байдуну в миске, кладет вилку на стол и начинает один за другим облизывать кончики пальцев.

— Кетчунез Красиво. — отвечаю замороженно.

— У Ашота лучший шашлык в Москве. Приятного аппетита! — говорит так, что мне тут же хочется спорить.

Подумаешь, лучший шашлык.

У меня медаль есть.

Президентская.

За отвагу.

И кортик.

Дома.

В целом, ужин проходит прекрасно. Мила задает мне миллион вопросов про службу и жизнь. Отвечаю. В основном, вру — так как гостайна, но внимание красивой женщины все равно приятно. Пока дожевываю свое мясо, дамочка извиняется, придерживая декольте, поднимается и уходит в уборную.

Возвращается с подкрашенными губами.

Красивая — глаз не отвести.

Бля-ядь ну реально поплыла, Андреич! — вытираю лоб.

Все факты складываю в одну корзину: на свидание сама позвала, приделась — вон как, к Ашоту притащила, чтобы он про нее пуха при мне набросал.

«Какая женщин» да «какая женщин»

Будто я слепой и сам не вижу какая.

Охуенная!

Я мог бы и без презентации, но приятно ведь — не буду спорить — когда вокруг тебя покружились.

Пялюсь на сочные малиновые губы. Я не извращенец и не известный в Москве ебака, но меня неожиданно вставляет. Мила вставляет. Своей женственностью и простотой. Тем, что не скрывает свои желания. Понравился мужик — в шашлычку и надеюсь, в койку.

Выбор места для полюбовной встречи так себе, но надо признаться — мясо Ашот делает отменно. Давно с таким удовольствием не ужинал.

Достав бумажник, расплачиваюсь Екатеринбургом и думаю о том, какая же Мила здравая. Все-таки психологи особая каста. Надо приглядеться. В недотрогу не играет, на оплате половины счета не настаивает. Сумма, конечно, смешная, но это все равно очень по-женски и ей идет.

Она мило переговаривается с Ашотом.

А куда же мы сейчас? — обдумываю варианты, посматривая на воркующую собеседницу.

У нее дома семеро по лавкам — я так понял.

В гостиницу или на съемный квадрат такая женщина не поедет.

К себе?

Ой бя

У меня в квартире еще мухи не еблись. Аура девственная.

Дочь моя там росла Никого не водил, да и не планировал.

Ремонт бы обновить, но это ведь ни желтым шелком груди обтянуть.

Все-таки мужчинам пыль в глаза пускать сложнее.

А хоть бы и домой По хрен.

Хочу ее. Даже с такими бедрами. Вернее их отсутствием.

Внутренности встают как по команде вместе с наружностями. Предвкушение дурманит, давление падает

Незаметно поправляю брюки и иду за ней.

Выпуская Милу на улицу, позволяю некоторые вольности: приобнимаю за талию и роняю ладонь ниже, как и мечтал.

Потрогать, пока там что-то от диет ее осталось. Сжимаю

правую ягодицу и получаю под дых с локтя.

Пф

— Давид Андреевич, вы больной? — она строго смотрит и вызверяется.

Это игра такая?

Все-таки «недотрога», да?

Прижимаю ее к перилам. Собой, чем же еще. Телом округлости ее воспринимаются еще приятнее, чем на глаз.

— Это что за новости? — Мила возмущается и пытается вырваться.

— Да ладно тебе. Я все понял. — затягиваюсь опьяняющими духами.

— Что это вы поняли? — упирается ладонями в мою грудь и пытается сдвинуть.

— Понял к чему все идет

— И к чему же все идет? — задирает подбородок.

— К тому, — врезаюсь в нее с новой силой. Какая же приятная! — На свидание пригласила — раз, разоделась — два-с, промоутера себе вон какого организовала — три-с. Понравился я тебе. Поплыла.

Мила смотрит на меня дерзко и вдруг хохочет.

Воспользовавшись моим замешательством, выскользывает из рук.

— Мне бы ваше сомнение, полковник. — поправляет волосы и лямку лифа, ныряя под ворот кофточки.

Белье у нее белоснежное и шелковое.

Есть еще порох в похеровницах у разведчика, получается.

— А что не поплыла? — тянусь к ней.

— Даже ножки не помочила. — свысока смотрит и идет к машине.

— Ну, расспрашивала обо всем, как заинтересованная?

— бью по карманам в поисках пачки и зажигалки.

Мила оборачивается и складывает руки под грудь.

— Вообще-то, это техника активного слушания, которую я часто применяю в работе. Я ничего не расспрашивала. Вы сами обо всем рассказали.

Блядь.

Обдолбанный я, что ли?

— Ну и на хрена это все? — закуриваю нервно.

Ложная тревога получается.

Обидно — досадно — Жанна.

— Что все, Давид Андреевич? — иронизирует зараза.

— Вот это! — психую, обводя сигаретой вывеску шалманки.

— Ааа Я и забыла Вы ведь сказали — могу рассчитывать на вашу бесплатную консультацию. Вот я вас к Ашоту и привела. У него заведение закрывают. Под снос. А взамен ничего не предлагают. Решите уж проблему по-свойски, полковник. — обводит меня игривым взглядом. — Отличного плаванья!

Выпуская облако дыма, провожаю уплывающие от меня бедра до машины.

Рядом оказывается Ашот.

Причитает.

— Зачем худеть? Такую красоту попортила Сердце потом обливается.

Как два долбоеба провожаем «Пежо» до поворота.

Курю усиленное и чаще, обжигая губы.

— А я ей гаварю, это нармально? Если Ашот тебе шашлык весь обрежет. Бах, Бах — одни косточки останутся. Нормальный будет такое?

Щелбаном отфутболиваю окурочок и хмуро киваю ему на дверь:

— Ладно тебе. Пошли внутрь. Поговорить надо

Глава 10. Милослава

Больше всего на свете обожаю свои утренние ритуалы!

И манную кашу.

Думаю, это из детства. Нутрициологи говорят, что манка не может содержать хоть что-то полезное, но мою душу она лечит.

Вспоминаниями.

О детстве, о чуде, в которое ты веришь только будучи ребенком, и о лете в загородном лагере.

Пританцовывая бедрами в оранжевой футболке на шесть размеров больше, которую моя мама ошибочно выписала из Китая, использую поварешку как микрофон:

— Она танцует под Шадэ, танцы прямо на мне, танцы прямо во сне

Чувствую себя женственной, как никогда.

И дело не в мужском интересе, проявленном полковником вчера. На самом деле — я довольно часто улавливаю восхищение на хмурых, brutальных лицах противоположного пола.

Просто рада, что мне удалось помочь хорошему человеку и Ашот останется с работой. В Литвинове и его возможностях я почему-то не сомневаюсь.

Можно было, конечно, использовать этот шанс, чтобы разобраться с певицей, которая испортила жизнь моей семьи

и ушла от ответственности за ту аварию, но, выбирая между живыми и мертвыми, я всегда буду топить за живых.

В конце концов, Андрея не вернуть.

— Она танцует под Шадэ, танцы прямо на мне, танцы прямо во сне — снова подпеваю радио.

— Милочка, ну дай ты соседям хоть минуту покоя. Весь вечер у них над головой бьют клюшкой, по утрам — концертная программа.

— Ты видела их смурные лица? Небольшой заряд бодрости им не помешает.

— Заряд бодрости будет у тебя, когда у нас снова зайвится участковый.

— В прошлый раз он ушел довольным.

— Да уж. Пришел по жалобе на шум после двадцати двух ноль-ноль, а ушел в слезах из-за того, что ты его разговорила, и он вспомнил, что в детстве у него украли вагончики с животными.

— Это был трамвай и зайцы, как у Чуковского, — помещиваю кашу. — Потеря сформировала в нем отсутствие безопасности и чувство незащищенности. Я всего лишь подсветила проблему. Выводы Сергей Леонидович сделает сам. И кстати, с добрым утром, мамочка!

Выключив плиту, звонко целую маму в щеку и порхаю до холодильника, дверца которого усеяна всячиной.

Здесь и магниты, и детские рисунки, и прочая требуха.

Но главное — наша семейная почта.

Этот ритуал я внедрила не так давно, но исправно пополняю ящики всех домочадцев. А вот они считают идею странной, поэтому мой отсек всегда пуст.

Я сажусь за стол, попиваю свой вкусный, жасминовый чай. Настраиваюсь.

Схватив ручку, посматриваю под мойку и пишу послание дня для сына:

«Я знаю, что ты самостоятельный мужчина. Самостоятельные мужчины выносят мусор. Целую. Твоя мама».

Затем для дочери.

«В твоём портфеле две конфеты. Первая — для тебя, если будет грустно. Вторая — для того, кто еще грустнее. Если таких нет — не ешь, пожалуйста, две. Беллочка Юрьевна в отпуске, а пойти к незнакомому стоматологу ты откажешься. Целую, моя милая. Твоя мама».

И маме:

«Не забудь закрыть дверь, когда пойдешь на рынок. Не покупай яйца, даже если они дешевле, чем вчера. У нас в холодильнике четыре десятка. Даже если на пять рублей, мама. Не надо. Умоляю. Целую. Твоя дочь Мила»

После завтрака направляюсь в свою спальню мимо просторной гостиной и «рисую» лицо. Настроение у меня прекрасное, но, когда я открываю платяной шкаф, на глаза сразу же попадается коробка от старого принтера, которая должна быть заставлена другими коробками. От обуви и постельного белья.

Всю легкость сносит горькая удушливая волна.

Я качаю головой.

Грустно улыбаюсь.

Уже гораздо медленнее выбираю рубашку мужского кроя и джинсы глубокого синего цвета.

Одевшись, дополняю образ аксессуарами. Объемным колье-гвоздем и серьгами. На мочке одного уха покачивается луна, другого — солнце.

У порога отыскиваю красные кожаные балетки, прячу распущенные волосы под ярким, шелковым платком и наполняю нужной всячиной плетеную сумку через плечо.

На нос опускаю массивные солнцезащитные очки в глянцевой черной оправе.

Курогрудку второй день будто бы случайно забываю в холодильнике и выбегаю из квартиры.

Получается очутиться в офисе до того, как небо затянет тучами, а укладку испортят тяжелые капли дождя.

Поздоровавшись с охраной, захожу в лифт и вздрагиваю, когда закрывающиеся двери останавливает сильная рука.

— Доброе утро, Давид Андреевич! — приветливо здороваюсь с соседом.

— Доброе! — он хмуро осматривает лифт, мою одежду, встает ко мне спиной и нажимает на кнопку.

Молча изучаю черный классический костюм и воротник белой рубашки, еле заметную седину у висков. В носу ощущается легкий аромат табака и мужского парфюма.

Из лифта выходим друг за другом.

Я впервые замечаю, как два моих шага попадают ровно в такт к его одному, и раздумывая об этом не сразу замечаю, что мой ключ не подходит к замку.

— Что за черт? — шепчу, распрямляясь и воинственно обнимая ремешок сумки на плече. — И как это называется?

— Без этого будет сложно, Мила! — летит хриплое в спину.

Обернувшись, зависаю на черном шелковом галстуке и слышу легкое позвякивание чуть справа.

— Вы поменяли замок в моем кабинете? — теперь я хмурюсь и шокировано забираю связку ключей.

— Это сделала управляющая компания. Не буду скрывать — по моему запросу.

Я открываю дверь и сразу же зажигаю свет.

— Я думала, ваша щедрость ограничится помощью Ашоту, — говорю, разворачиваясь и приобнимая дверь.

Литвинов смотрит мне в глаза и, прежде чем скрыться в своем прокуренном кабинете, с мрачной иронией отвечает:

— Будем считать — это на сдачу. Хорошего дня.

Глава 11. Милослава

— Плюшка была миленькой — всхлипывает Диляра.

Я изображаю полнейшую вовлеченность, но украдкой поглядываю на дверь с новым замком.

В своей жизни я привыкла полагаться только на себя. И нет — никакая я не жертва — это мой осознанный взрослый выбор. Прожить эту жизнь ярко и в кайф, но без партнера.

Отсюда — мой шок!

Для кого-то подобное проявление Давидом Андреевичем Литвиновым самцовости и мужской заботы — самое настоящее счастье.

Но только не для Милославы Селивановой.

Я привыкла сама вести дела и не быть никому обязанной. Сейчас же чувствую себя именно так. Вчера облапал за просто так. Сегодня вот замки поменял. Что теперь меня ждет?

Мало ли что там у него в голове?

Может быть, он вообще контуженый!

Выглядит Давид Андреевич как питбуль — черный, насупленный и мрачный. Вот теперь и думай, что он хочет на самовыгуле и без намордника Прижимался ко мне вчера своими гениталиями. Я ведь взрослая женщина — все прочувствовала.

— Беленькой, а на лапках такие пятнышки. Будто сапожки, знаете? И хвост Хвост такой необычный. Т-о-олстый,

дли-и-инный, как у питбуля

— Простите? Как у питбуля? — округляю глаза, выплывающая из мыслей.

— Ну Хвост у моей Плюшки! — обиженно смотрит на меня.

Уверена, лицо мое в цвет акцентной стены напротив — терракотовым становится.

Господи, что за мысли, Селиванова!

Секс для тебя давным-давно — максимум слово из четырех букв в сканворде, название коктейля в отпуске или разборки с соседями сверху. Они так шумят — вот честно, другого эпитета не подберу — я затрахалась!

Участковый наш вопрос решить не может, всем остальным из подъезда тоже все равно. Беспредел какой-то.

— Вы показывали фото Плюши. Я помню. — живенько киваю и делаю пометку в блокноте. — И правда, она была очень милой собакой. Никогда таких не встречала!

— Спасибо, — Диляра с гордостью благодарит и вытирает слезы пухлыми пальцами. — Муж смеялся над Плюшей, называл ее Тумбочкой из-за того, что она была неповоротливой Но для английского бульдога это нормально

Вот

Кажется, нащупала что-то стоящее.

— Вам было обидно, когда ваш муж так ее называл?

— Очень. Мы с Игорем из-за этого ругались.

— Вы говорили, что практически не ругаетесь с мужем?

— подглядываю в блокнот.

— Да А вот из-за Плюшки я на него крепко обижалась. Он оправдывался. Мол, это шутка, но я чувствовала, что специально так говорит. Чтоб меня позлить

— Что еще вы чувствовали, когда Игорь называл вашу собаку Тумбочкой?

— Я на него злилась. — шмыгает носом.

— Это все?

— Нет Мне казалось Боже, это так стыдно.

— Стыдно сейчас озвучить при мне или то, что говорил Игорь, казалось вам стыдным?

Она замирает и смотрит в окно.

Думает долго.

— И то и другое стыдно — тихо отвечает.

— Мы можем не говорить об этом, если

— Нет, я скажу, Мила. Мне казалось, что Игорь говорит это мне. — поворачивается и выплескивает из себя.

— То, как обзывает собаку? — я удивляюсь.

— Да Что я толстая. Я неповоротливая

— Он вам говорил когда-то так?

— Напрямую в мой адрес муж такое сказать не может.

— Хотите — поговорим об этом?

— Д-да — плачет еще сильнее. — Игорь никогда не критиковал мою фигуру, тем более что она испортилась после того, как я родила детей.

— Напомните, сколько лет вашим малышам?

— Младшему четырнадцать, — смущаясь, озвучивает возраст.

— Ах Ясно. — обескураженно делаю пометку.

Мой кабинет не создан для того, чтобы обвинять или давить. Я даю людям поддержку. А в случае с фигурой сама склонна к полноте, поэтому знаю, как это сложно — держать себя в руках. Клянусь курогрудью!

Сессия заканчивается как никогда продуктивно — постановкой проблемы.

Очень часто наши беды связаны не с конкретной потерей, а с чувствами, которыми мы себе по отношению к ней разрешаем. У Диляры умерла собака, но это не только питомец. Еще и буфер в отношениях с мужем. Контейнер из ее обид и замалчиваний.

Мы прощаемся до следующего раза.

Как только остаюсь одна и заканчиваю с записями, в дверь настойчиво стучат. Следующая клиентка назначена через час, у меня окно, поэтому даже не удивляюсь, когда на пороге оказывается Литвинов.

Без пиджака и с подвернутыми до локтей рукавами белоснежной рубашки.

— Можно? — с интересом осматривается.

— Давид Андреевич, проходите! — я поправляю платок и смотрю на свой кабинет мужскими глазами.

Здесь — очень по-домашнему.

Рабочая зона с письменным столом и офисным стулом у

окна.

В стороне мягкий, обволакивающий диван и уютные кресла.

Их два.

Одно — глубокое, в которое проваливаешься, как в воздушное облачко. Второе — больше похоже на классический советский вариант с деревянными подлокотниками. Твердое, с высокой спинкой. Развалиться в таком не получится, но не все чувствуют себя безопасно в облаках. Кому-то нравится ощущать под собой жесткую реальность.

Перед консультацией я всегда интересуюсь, какое кресло сегодня хочет выбрать клиент? Сама же довольствуюсь свободным.

Между кресел стоит журнальный столик, на котором я храню салфетки, графин с водой и волшебную тактильную коробочку. В ней есть гладкие морские камни, шарики с шипами и различные деревянные фигурки. Каждый возьмет свое. Ведь кому-то легче говорить, когда руки чем-то заняты. Я и сама такая.

На стенах нет ничего кричащего. Только одна картина. Моя любимая. На ней из черной сухой земли в обыденную, даже ужасающую серость пробивается зеленый, нежный росток. Это сакральный смысл моего ремесла. Дарить надежду на рост и верить в силу людей.

— А хотите чай? — я вдруг решаю быть гостеприимной хозяйкой.

В конце концов, человек он неплохой. Отзывчивый. Это я уже поняла.

— Чай? С вами? Можно — говорит он как-то замороженно, разглядывая мое лицо.

Я задираю подбородок и дефилирую к импровизированной кухне. У меня здесь порядок. Бардак я не люблю, а от грязной посуды начинаю чесаться — антисанитария же полная.

— У меня здесь целая чайная коллекция по настроению, — оборачиваюсь, чтобы проверить, куда он смотрит. Успокоившись, что в окно, предлагаю. — Вы можете выбрать любое кресло, Давид Андреевич.

Отвлекаюсь и рассматриваю кружки с мотивационными надписями.

«Психолог от Бога»

«Все хотят результат, а я — выходной»

«Иногда человека не надо чинить. Его надо обнять»

«Я раньше почему злой был, потому что у меня психолога не было»

Себе выбираю первую, ему — последнюю, и тянусь к подносу с чаем.

Улыбаюсь.

— Итак. Что вы выберете? При усталости — облепиховый. При тревоге — с мятой. Если настроения нет — закатываю глаза, подозревая, что это его случай. — С апельсином и клубникой

— Мне без разницы. А вы какой будете?

— Жасминовый. — беру пакетик.

— И от какого он недуга?

— Это секрет, — оборачиваюсь с мягкой улыбкой и качаю головой, потому что вместо того, чтобы занять одно из двух кресел, он уселся на мой офисный стул и разглядывает семейные фотографии. Дети на них совсем маленькие, на одной даже есть Андрей. — Вы заняли мое место.

— Не люблю сидеть спиной к входу, — говорит он, наконец-то отводя глаза от стола и складывая руки на груди. — Привычка.

— Вы хотите поговорить об этом? — включаю психолога.

— А чего об этом разговаривать? Двадцать лет в засаде штаны просиживал.

— Так что с чаем, Давид Андреевич? — мягко напоминаю.

Он усмехается.

— Только не мята. Меня с нее воротит, будто я гамна въеб
В общем, не люблю!

Я качаю головой неодобрительно.

Какой же он матершинник и грубиян! Но с харизмой.

И хвост. Хвост как у питбуля.

Зачем мне эта информация?

— Тогда будете пить, что дают. — ворчу под нос и с заплетающимися ногами несусь к столу.

— Главное, что дают — прилетает куда-то в грудь и рас-

текается теплом внизу живота. — С остальным уже разберемся!

Глава 12. Милослава

— Подождите пять минут. Пока настоится. — делаю шаг назад и смотрю на сильную мужскую руку, обнимающую кружку на моем столе.

Вот оно мне надо?

Жила я и не знала эти руки с густыми короткими на предплечьях и массивными часами на запястье.

— Это хорошо. Люблю, когда настоится — специально смущает меня Литвинов двойным смыслом сказанного.

Я опускаюсь в жесткое кресло.

Почему не мягкое?

Все просто — хочется как-то подсобратиться и не расплываться лужицей. Может, он мужчина и видный, но я тоже не уцененка какая-нибудь.

И помощь мне его не нужна. Я женщина самостоятельная и суверенитет свой охраняю покруче питбулей.

Сама танцую, сама пою, сама билеты продаю.

Так привыкла.

Закинув ногу на ногу, аккуратно отпиваю чай с ярким жасминовым вкусом и поднимаю глаза, ожидая, что полковник наконец-то разъяснит для страждущих, зачем пожаловал.

Сомневаюсь, что у него в кабинете кружки закончились? Или ему дымоган надоел? Как вообще он в нем дышит? Ис-

пытываю дикое сострадание к его легким.

Светло-голубые озера глаз сужаются и молча меня изучают. Долго и внимательно.

Впервые в кабинете, в котором каждую деталь я лично создавала для комфорта, чувствую себя неуютно. Как микроб под микроскопом.

— У вас разные серьги? — хрипло спрашивает сосед.

Я инстинктивно тянусь к уху.

Ну и зрение у человека. Только позавидовать.

— Да, — поглаживаю металлическую луну.

— А еще вы носите разные туфли?

— Хочу похвалить вашу наблюдательность.

— Это что-то значит или вы просто не заморачивались с утра? — мрачно интересуется.

— Я выгляжу как женщина, которая не заморачивается, как она выглядит? — за заносчивостью скрываю, как сильно оскорбляюсь.

— Я же не так сказал. Пожалуйста, не быкуй. — примирительно говорит.

Не быкуй пожалуйста?

Какой вежливый австралопитек!

Отхлебнув чай, морщится и опускает взгляд в вырез моей рубашки. Живет в нем слишком долго по меркам приличий.

Я не выдерживаю

Пожалуй, сейчас и правда "быкану".

— Вы специально меня смущаете, Давид Андреевич?

— спрашиваю без какой-либо агрессии, но так бодренько. Очерчивая личные границы строгим голосом.

— Да в рот мне пароход. Я тебя смущаю? — усмехается. Откидывается на спинку стула.

— Есть такое. Все эти ваши взгляды, полунамеки, отдающие пошлостью и сексизмом.

— Рад, что ты заметила. А то я стараюсь. — бьет по карманам на брюках в поисках пачки.

— У меня здесь не курят, Давид Андреевич. Его лицо становится серее.

— Ладно уж Не буду прыгать в ширину, Милослава Селиванова, недорогих дел мастер. Я этого не люблю. Хочу тебя конкретно в ресторан пригласить. Ракам фиги крутить и шампанским запивать.

— Меня? В ресторан? — не могу сдержать удивления.

— Ну да. А че ты все переспрашиваешь? — прищуривается. — Я же не слезы на кулак намывать к тебе пришел, а по-соседски.

— А замки мои вы тоже поменяли по-соседски?

— Ну да.

— И теперь я с вами должна пойти в ресторан?

— Ну да. — насупленно ворчит. — погоди, ты меня за слова не прибалтывай. Про «должна» я не говорил. Сказал же — хочу тебя пригласить.

Я считаю до пяти, чтобы не вспылить.

— А повод?

Он явно злится, снова бьет по карманам на брюках.

Широкие плечи опускаются.

— Блядь, вспомнил. — ворчит под нос и отворачивается к окну.

— Что?

— Почему я порядочных баб не люблю

— Хотите поговорить об этом?

Он снова смотрит на меня и с дурацкой, солдафонской честностью говорит:

— Да что ты все со своими разговорами? Понравилась ты мне, что мы как маленькие. Вот это все у тебя! — глядя на меня, очерчивает ладонями мою фигуру-грушу. — Зашло очень. Я на тебя уже два месяца оглядываюсь. Вернее, на все, что от тебя осталось — недовольно цокает и выдает напоследок: — В койку с тобой хочу.

Не теряю самообладание.

Мне на сессиях, чего только не говорят.

Одна клиентка минет начальнику мужа случайно сделала. Поехали они на тимбилдинг в лес, а она ночью палатку перепутала. Уже в процессе по лимонам на трусах да по кряхтению поняла, а муж после поездки довольный — повышение получил. Теперь вот клиентка переживает, как такое скажешь?

Давид Андреевич смотрит на меня выжидательно.

— А я думала, вы хотите в ресторан

— Это я так завуалировал. — рассекает воздух ладонью и

трет щетину на подбородке. — Для приличия

Ах

Вот оно что?

— С раками — красиво получилось. — хвалю.

— Рад, что ты оценила. Все остальное тоже оценишь

— Это что же?

— Все, что женщине одинокой нужно. Не мне тебе объяснять. Короче, твои проблемы — теперь мои проблемы. Если надо чего, я всегда помогу. И деньги есть.

— Очень мило.

— Ну и в остальном. Тебе понравится, не сомневайся. Мужик я серьезный, не балабол и не распиздяй, руки мою, в полном расцвете лет

— Как Карлсон? — поддеваю.

Он напрягается, будто вспоминая?

— А при чем здесь этот американец?

— Американец?

Невероятно.

— Такер Карлсон. Журналист, который у нашего начальства интервью брал Я тот день хорошо помню. Моя смена. В Кремле народу было — жуть.

— Давид Андреевич, вы издеваетесь? — не могу на него не злиться. Какой еще Кремль?

— Я издеваюсь? Это ты его вспомнила.

Смотрю на него пораженно.

Серьезно? Он Карлсона, который живет на крыше, не зна-

ет?

— Ну так что? — полковник теряет терпение и снова ныряет глазами в мой вырез.

— Я, пожалуй, откажусь. — задираю подбородок и выпрямляю плечи.

Мрачнеет и снова бьет по карманам.

— Не увлек я тебя идеей-то? — нюхает сигарету и вставляет в зубы незажженную.

— В какой-то момент было очень заманчиво

— Это до Карлсона, наверное. — удерживая фильтр губами, ворчит.

Я еле сдерживаю улыбку.

— Приблизительно.

— Зачем ты о нем вообще вспомнила?

— Я, Давид Андреевич, отношений не ищу — развожу руками.

— Тут мы с тобой как пазл совпали, Милослава.

— а без отношений сексом не занимаюсь.

— А нет Все-таки разные. — вздыхает с сожалением. — Не хочешь, значит?

Я не очень гостеприимно поглядываю на часы.

— Вы лучше еще заходите по-соседски! Чай пить Я всегда рада.

— А хотя бы потрогать

— Давид Андреевич, — демонстративно поднимаюсь и указываю на дверь. — У меня консультация. Идите к себе.

Он нехотя поднимается, поправляет ремень и смотрит на дымящийся чай.

— Допьете у себя. Кружку я потом заберу

Глава 13. Давид

Распечатав с утра глаза, первое, на что падает взгляд — пепельница с превратившейся в горстку пепла сигаретой и стакан с не тронутым эксклюзивным виски.

Даже не пригубил, твою мать.

Вырубился как сука.

Старость — гадость.

— Допустим — поднимаюсь с небольшой тахты, на которой вчера закемарил и потираю трехдневную щетину.

В рот будто муравьи нассали.

Скинув помятые брюки, с криком опускаюсь на пол и отжимаюсь до тех пор, пока не подведет сбитая куревом дышалка. Для разгона крови, так сказать — положено.

Потом, проигнорировав бритву, прусь в душ и сразу в шкаф — за чистыми трусами, новой сорочкой и костюмом из химчистки.

Спустя полчаса закидываю в себя кофе уже новенький-готовенький.

Первым делом еду к Жанне.

На вещевом рынке народу — тьма тьмущая. Продираюсь сквозь толпу, с опаской посматривая на крупных теток и уса-тых мужиков, не дай бог — не заразили бы. Долбанутые какие-то. Чтоб я в четверг с утра за шмотьем китайским пришагал? Да с хера ли?

— Давид. Ты приехал? — Жанна вскакивает из своего начальского кресла, поправляет пепельные волосы и порхает мне на встречу.

В светлом кабинете надушено так, будто мои ночные муравьи здесь тоже были.

Морщусь.

— А у тебя были сомнения?

— Нет, конечно, — лезет под пиджак.

— Я вроде за слова всегда свои отвечаю. Пиздобольством не отмечен. — подкуриваю и принимаю объятия.

Как присоска е-мое.

И ведь не обидишь? Терплю, хотя все это слюняйство в вертикальной плоскости осуждаю.

Хотя

Моя левая рука соскальзывает к подолу. Ничего не могу с собой поделать — чисто мужское. Люблю я задницы покрупнее да помясистее.

Жамкаю приветственно, типа рукопожатия.

— Давид, — взвизгивает, как девица. — Ну не здесь же Конечно, я знала, что ты поможешь. Мы ведь люди не чужие.

Жанна наконец-то отлипает, садится обратно и, позвякивая массивными кольцами, вытягивает из пачки тонкую сигарету.

Это тебе не соседка моя.

За курение пиздеть не будет, еще и компанию составит.

Вот клянусь — нормальная баба. Не комфорт класс, зато

без выебонов и без «я не такая-жду трамвая». Все они такие и все ждут. И трамвай, и даже двухколесный, проперженный драндулет, который в их глазах первые полгода видится не меньше, чем «Феррари».

Просто хотят сказку про «долго и счастливо», а я не сказочник ни разу. Помимо супруги своей, мир покинувшей, столько в жизни случаев навидался. Нет в ней ничего вечного. Ни людей, ни чувств, ни нервов. Потому лишнего не обещаю, но сделаю все от себя зависящее, чтобы время, проведенное вместе было в кайф и с комфортом.

Ну и потом не обижу.

Поэтому и приехал.

— Ну чего там у тебя? — стряхиваю в пепельницу.

— Да какие-то непуганые в этот раз. Молодые и борзые, видно, что спортсмены. Пришли на прошлой неделе, разгром устроили. Думала отоспятся, а они снова тут как тут. Заладили: мы ваша крыша, будете нам платить тридцать процентов от выручки с рынка. Это что происходит, Давид? Мы в девяностые возвращаемся?

— Да на дурака работают. — хмурюсь. — Какие на хрен девяностые? Не выдумывай. У них от девяностых один сифилис. И тот врожденный. Черкни-ка мне цифры, я пообщаюсь Разберусь.

— Сейчас, — она подпрыгивает к телефону и че-то так кумекает у себя в башке. Потом смотрит на меня боязливо. — Ты только осторожен будь. У них оружие — уже шепчет.

— Жанна! — я раздраженно вздыхаю, тушу окурок и поднимаюсь. — Не учи отца ебаться. Сказал же — разберусь.

— Кстати, — она откидывается на спинку стула и начинает закручивать прядь на палец. — А что это ты не звонишь? Не приезжаешь?

— Пост у меня.

— В смысле?

— Аппетит нагуливаю. Перед Пасхой — лыблюсь.

Почему — сам не знаю?

— Так Пасха же прошла Ты заезжай, Давид.

— Заеду! — киваю и прячу визитку с номером «крыши».

Реально молодежь нынче берегов не видит. Мудрость и опыт не уважают.

Жанна на этом рынке еще в начале двухтысячных банчила, может, в чем-то и дура, но девка работающая, с молодости пахала и свое место выгрызла вполне заслуженно. Да и с Администрацией района дружит.

Пока еду на обед с дочерью, набираю юным рэкетирам.

— Да! — бандит отвечает сонно.

Ну? Говорю же, бездельники.

Время — обед, он еще подушку носом трахает.

— Ты кто? — спрашиваю, открывая окно.

— В смысле? — голос становится хамоватым.

— Имя, фамилия. Ориентацию можешь не называть. И так знаю, что пидор.

— Ты че? — спрашивает ошалело. — Ты кто такой? Че

те надо?

— Жанну с рынка знаешь? Больше ее не беспокой. А нет — цветов привези. В качестве извинений, да побольше.

— А ты че ее крыша?

— Мансарда. — усмехаюсь и хмурюсь, глядя на новую развязку.

Москва. Это ж надо, как все перестроили.

А я ни петь, ни свистеть. Хоть по карте не езд.

— Это наш рынок. — басит старается молодой.

— Чей это наш?

— Группировки нашей.

— Мухосранской?

— Почему? Ты че мужик? Охренел? — вопит. — Лосиноостровские мы.

— Еще хуже

— Ты за базаром следи.

— А ты потеряшкой не прикидывайся. Еще раз к Жанне сунешься, будешь по всему городу своих лосей собирать и плакать.

— Нет. Ты охренел, мужик. Давай стрелу забьем. Пообщаемся.

— Как же тяжело с вами — вздыхаю. — Ну, давай.

— Завод автомобильный старый знаешь?

— Сам ты старый. Знаю.

— К шести подгребай-те.

— Лады.

— Только вы это на территории скорость ограничена. Не больше двадцати километров в час, а то охрана залупится.

— Разберемся. — убираю телефон во внутренний карман пиджака.

Братки нынче не те. Боятся, что мамка заругается.

В мясном ресторане, который для встречи выбрала моя дочь, пафосно и уныло. Хотя бы потому, что на двери огромными буквами выведено «НОУ СМОКИНГ». Я и так без него, но отчего-то грустно сразу становится.

Только мысли о сочном, жирном стейке держат.

— Привет, пап. — Эмилия поднимается и смотрит на меня выжидающе.

Говорю же, я тактильности всей этой не люблю: поэтому пару раз бью ее по-отцовски по плечу.

— Ну привет, привет. — опускаюсь рядом, чтобы смотреть на вход, и озираюсь. — Чего звала?

— Да просто. Что мы, пообедать с тобой вместе не можем?

— Прямо вдвоем? Без поводыря?

— Ренат в университете. — она хитро улыбается. — Я хотела только с тобой.

Глаза у нее мои — то ли бирюзовые, то ли голубые.

Хрен разберешь, но красивые.

Гляжу на нее и каждый раз думаю: «Смотри, какая у нас дочка, Маринка, выросла. Аж гордость берет. Двадцать шесть уже Пол-Москвы ее фотографиями обклеена, а она сидит вот пирожное ест. Губы в креме. Совсем как девчон-

ка. Только не уберег ее. Аскеров хрен свой лысый в нее построил».

— Я тебе уже заказала, пап. — обыденным голосом прерывает дочь.

— Да? — с грустью отодвигаю меню.

— Кофе без кофеина и овощи с белой рыбой на гриле. — очень «радует» дочка.

— Ну спасибо тебе, дочь, — уныло прощаюсь с мыслями о стейке.

— Тебе надо за собой последить, пап. Ты чек-ап давно делал?

Хмурюсь.

— Чека? Да я гранату лет пятнадцать в руках не держал.

— Чек-ап, пап! — Эми смеется.

Она, когда так делает, у нее на щеках ямочки.

Это Маринкины.

Как видео после себя оставила. Только лучше.

— В смысле, медосмотр. Кровь сдать на холестерин, например.

— Нормальный у меня холестерин. Попрошу его не трогать, — ворчу.

— И сердце проверить.

— А че его проверять каждый раз? Как часы ходит.

— И курить бы тебе бросить — дочь снова загадочно лыбится, а я вдруг замечаю, что изменилась она.

Щеки круглее стала, губы — пухлее, волосы — еще бле-

стящее.

— Можешь нормально сказать? — я хмурюсь и бью по карманам в поисках пачки, потому что нервничаю. — Никак не пойму, ты меня либо в космос готовишь, либо с заводчиком своим на продажу?

— Я беременна! — объявляет моя девочка, и я вздрагиваю всем телом.

Как электрошокером проходятся.

— Беременна?

Официант расставляет тарелки, а я уже перевариваю. Да же не пожрав.

— Ты станешь дедушкой!

Дедушка? Я?

Вздыхаю уныло, принимая реальность.

Да не Брехня.

Скажет тоже

Какой же я дедуся, если я еще ебуся?

Сегодня скидка на моих золотых героев из молодежи - историю студентки и преподавателя - ["Мой препод лед"](#)

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.